

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.
Аммосова»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и риторики

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВО В ЮКАГИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Направление подготовки: 45.04.01 Филология
Магистерская программа: Лингвокультурология

Руководитель:
канд. филол. наук, доцент кафедры
общего языкознания и риторики ФЛФ
Павлова Ирина Петровна

(подпись)

Выполнила:
магистр 2 курса группы М–ЛК–17
Сантаева Ульяна Анатольевна

Рецензент:
канд. филол. наук, старший научный
сотрудник ИГИ и проблем коренных
малочисленных народов Севера СО
РАН,
Курилова Самона Николаевна
«__» _____ 2019 г.

Работа защищена
«__» _____ 2019 г.
протокол № _____
с оценкой _____

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	9
1.1. Понятие концепта и концептосферы.....	9
1.2. Концептуальная и языковая картина мира	13
1.3. Концепт <i>пространство</i> в лингвокультурологии	15
2. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА <i>ПРОСТРАНСТВО</i> В ЮКАГИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	20
2.1. Полевая модель концепта <i>пространство</i> , отраженная в космологии юкагиров	21
2.2. Система ориентации человека в пространстве	25
2.3. Пространственная лексика	34
2.4. Объективизация концепта <i>пространство</i> в фольклоре	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
ЛИТЕРАТУРА	67

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена изучению специфики вербализации концепта *пространство* в юкагирской лингвокультуре.

Актуальность исследования обуславливается тем, что вербализация базовых концептов в лингвокультуре этноса, таких как время и пространство, является объектом пристального изучения. Применение лингвокультурологического подхода в исследовании концепта необходимо, чтобы выстроить значительно полную картину мира. В современной науке лингвокультурология – это активно развивающееся направление. Предметом обсуждения современных лингвистов является вопрос о том, влияет ли язык как инструмент мышления на способ познания окружающего мира.

В связи с тем, что юкагирский язык находится под серьезной угрозой исчезновения, является важным не только фиксировать языковые средства, но и через сопоставительный и лингвокультурологический анализ текстов изучить концептосферу юкагирского этноса.

Объектом исследования является концепт *пространство* в юкагирской лингвокультуре. Предметом исследования является национально-культурная специфика концепта *пространство* в юкагирской лингвокультуре.

Цель: выявить этническую специфику концепта *пространство* на материале юкагирской лингвокультуры.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования поставлены следующие задачи:

1. Определить особенности концепта *пространство*, изучив круг научной литературы по проблеме;
2. Выявить языковой, фольклорный и этнографический материал в юкагирской лингвокультуре, характеризующий пространственный концепт;
3. Представить ориентационную систему юкагигов в пространстве;

4. Проанализировать пространственную лексику как основу моделирования мира юкагиров;

5. Рассмотреть пространственный образ мира юкагирского этноса на фольклорном материале.

Методы исследования. В диссертационной работе используются полевой метод и методы семантического, лингвокультурологического и статистического анализа.

Помимо знаний о структуре языка, семантика тесно связана с философией, психологией и другими науками, так как неизбежно затрагивает вопросы о происхождении значений слов, их отношении к бытию и мышлению. При семантическом анализе необходимо учитывать социальные и культурные особенности носителя языка. Когнитивный анализ – это анализ через язык и речь совокупности познавательных процессов и концептуальной структуры текста. С помощью концептуального анализа, базового метода исследования концепта, мы можем определить содержание концепта.

Методологической базой исследования стали фундаментальные труды Е.М. Мелетинского, Ю.М. Лотман, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.Н. Топорова, Г.Д. Гачева, Ю.Д. Апресяна, также труды, которые посвящены непосредственно изучению юкагирской культуры: В.И. Иохельсона, Г.Н. Курилова, Л.Н. Жуковой.

По определению В.Г. Гака, «пространство наряду со временем является основным атрибутом материи, основной формой бытия. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [Гак, 2000: 127].

В.Н. Топоров пишет о неразрывности пространства и времени, о соотношении пространства и текста, о связи тела и пространства. В основном В.Н. Топоров рассматривает мифопоэтическое пространство и пишет, что оно

«сильнее» пространства профанического (будь оно бытовым, геометрическим, физическим и т.п.), так и внутреннее пространство художественного текста «сильнее» любого внешнего пространства. «Внутреннее (текстовое) пространство свободы неизмеримо сложнее, насыщеннее и энергетичнее внешнего пространства» [Топоров, 1983: 284].

Н.Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» рассматривает направление движения человека в модели Традиционного пути на материале пространственной метафоры (метафоры движения). Н.Д. Арутюнова изучает пространство в художественных мирах: «Время организует события, пространство – предметы. Между событиями существуют отношения последовательности, между предметами – взаимного расположения. Пространственные отношения многообразны. Они используются для моделирования невидимых миров. Предметы целостны и зримы. Их конфигурации порождают образы, лежащие в основании эмблематики смысла. В русском языке пространственные отношения широко используются для моделирования мира человека, в том числе его психической сферы» [Арутюнова, 1999: 368].

Практический материал собран из юкагирского языка и фольклора: словарей В.К. Спиридонова, Г.Н. Курилова, И.А. Николаевой и В.Г. Шалугина, Э.С. Атласовой; сборников фольклорных произведений В.И. Иохельсона, Г.Н. Курилова, Л.Н. Жуковой. Изучая данные материалы, можно узнать не только то, как ориентировался в пространстве человек, но и получить сведения о различных философских, космологических и религиозных воззрениях. Поэтому такие виды источников являются в наибольшей степени значимыми и информативными.

Новизна заключается в том, что пространство и человек в нем с позиций концептуальной лингвистики еще не изучались на материале юкагирской лингвокультуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этнической спецификой концепта *пространство* является его структура, полевая модель. Центр полевой модели концепта *пространство* у юкагиров – «мой дом». Следующим расширением концепта будет «стойбище или поселение, являющееся родной землей».

2. У юкагиров существует концентрический принцип организации пространства. Центризм картины мира определяет основу и начало любой ориентации в древних культурах. В пространстве существуют две точки отсчета: первая, из которой человек ориентируется (центр), и некая точка на периферии, в направлении которой осуществляется движение.

3. Системы ориентации юкагиров основаны на архетипических пространственных представлениях. Одним из них является трехчастное деление пространства на верхний, средний и нижний миры (вертикальное деление вселенной). При горизонтальной ориентации человека в пространстве используется принцип четырех сторон света (Верхнеколымский диалект: *лэдудэ* – 'север', *пудилаабэт* – 'юг', *йэлюодьэд унчибэ* – 'восток'; *йэлюодьод амлуйбэ* – 'запад'; тундренный диалект: *чавлаабар* – 'север', *саалабарэ* – 'юг', *йэриэйэ лохобонубэ* – 'восток', *пурэгэлаабар* – 'запад').

4. Подтверждается наличие первичной геокартографической системы ориентации в пространстве у юкагиров, обусловленной ландшафтно-климатической природной средой.

5. В пространственной лексике юкагиров наблюдается полисемия, тесно связанная с духовными традиционными представлениями народа. Семантическая связь значений «вперед, будущее, предки» и «потомок, отпрыск, прошлое». Предки пространственно локализируются спереди, так как являются покровителями рода, а потомки – сзади. Это связано с культом предков: считалось, что через магические обряды предки оказывают помощь живущим, они являются советчиками и защитниками.

6. Фольклорный материал подтверждает основное содержание и структуру концепта *пространство* в юкагирской лингвокультуре. Пространственный образ мира в фольклоре строится с помощью модели трехъярусной Вселенной, и связан с «дорогой» и «родной землей»: центром земного пространства является дом, что служит отправной точкой развития сюжета и местом его завершения. Основным способом ориентации является река, относительно которой называется направление и местоположение, и стороны света.

Апробация результатов исследования. Автор работы принял участие:

1. в Международной научно-практической конференции «*Филологические науки в XXI веке*» с докладом по теме: «Концепт РОДИНА в юкагирской лингвокультуре» г. Якутск, 2018 (Сертификат участника);
2. в Международной научно-практической конференции «*Филологические науки в XXI веке*» с докладом «Концепт ПРОСТРАНСТВО в юкагирской лингвокультуре» г. Якутск, 26 марта 2019 (Диплом 2 степени);
3. в XXVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «*Ломоносов–2019*» с докладом по теме: «Устройство вселенной юкагириков (на примере сказки «Петр Бэрбэкин»)» г. Москва, 10-12 апреля 2019 (Диплом 3 степени);
4. в 57-ой Международной научной студенческой конференции «*МНСК-2019*» с докладом: «Устройство Вселенной юкагириков (на примере сказки «Петр Бэрбэкин»)», г. Новосибирск, 16-19 апреля 2019 (Диплом 2 степени).

По теме исследования опубликовано 4 статьи:

1. Павлова, И.П. Пространственная лексика как основа моделирования мира у юкагириков / И.П. Павлова, У.А. Сантаева // Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики: сб. материалов IV Междунар. очн.-заоч. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Среда, 2018. – С. 124-128.

2. Сантаева, У.А. Устройство вселенной юкагиров (на примере сказки «Петр Бэрбэкин» [Электронный ресурс] / У.А. Сантаева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019». – М: МАКС Пресс, 2019.
3. Сантаева, У.А. Полисемия пространственной лексики юкагиров [Электронный ресурс] / У.А. Сантаева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» – М: МАКС Пресс, 2019.
4. Сантаева, У.А. Устройство вселенной юкагиров (на примере сказки «Петр Бэрбэкин») [Электронный ресурс] / У.А. Сантаева // Этнография: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. — С. 38-40.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Лингвокультурология как особая научная дисциплина относительно молодая, начала развиваться в начале XXI века, но еще В. Фон Гумбольдт (1767-1835) и И. Гердер (1744-1803) говорили о взаимодействии языка и культуры. Их идеи развивали многие исследователи, включая А.А. Потебню (1835-1891), а проблему языка и культуры изучал Э. Сепир (1884-1939).

Лингвокультурология – это область языкознания, которая изучает и описывает диалог языка и культуры в синхронном их взаимоотношении. Язык влияет на культуру так же, как культура на язык. Лингвокультурология изучает многоаспектные вопросы, связанные с восприятием этноязыковой картины мира, характеристики языкового сознания, а также проблемы своеобразности культурно-познавательного пространства языка.

Цели лингвокультурологии заключаются в выявлении национально-культурной специфики языковых фактов; определение концептосферы национального языка; систематизации основных понятий лингвокультурологии.

«Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка и культуры. Предметом лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорах и культурных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах, пословицах и поговорках» [Маслова, 2001: 35].

1.1. Понятие концепта и концептосферы

В этом разделе отражены различные представления о сущности концепта и концептосферы как базовой единицы когнитивной лингвистики и рассмотрена структура концепта с точки зрения разных исследователей.

Концепт – это основная единица лингвокультурологии, которая определяется Воронежской лингвистической школой как «квант знания»; а Московской лингвистической школой как основная ячейка культуры в ментальном мире человека; в понимании Петербургской лингвистической школы как внутренняя форма смысла, которая в каждой культурной среде воспроизводит собственные содержательные формы.

Концепт, согласно научным дефинициям С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, О.П. Скидан – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [Красавский, 2001: 40-59]. М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов». По мнению Р. Павиленса, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания». [Красавский, 2001: 40-59].

Концепт, как и понятие, - единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия.

По мнению С.А. Аскольдова, концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Но не следует считать, что концепт есть заместитель реальных предметов. Он является заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, например, концепт «справедливость». Концепт, как акт, намечающий вполне определенную мысленную обработку (анализ и синтез) конкретностей определенного рода. (Аскольдов, с.272)

Е.С. Кубрякова считает, что «концепты – это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Она называет

концептом также «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова, 1996: 90].

По определению воронежской школы под руководством З.Д. Поповой, «концепт – это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант знания» [Попова, 2007: 93]. С их точки зрения, концепт полностью не выражается в речи, так как, это результат индивидуального познания, категоризации и поэтому требуется комплекс средств для полного выражения. Также целиком выразить концепт невозможно, так как концепт представляет собой нестрого структурированную объемную единицу. Итак, в понимании З.Д. Поповой и И.А. Стернина (Воронежская лингвистическая школа), концепт – «это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, 1999: с.24].

Таким образом, можно обобщить, что концепт есть зачаток мыслительных процессов и содержит фразеологические смыслы и имеет сложную структуру. С одной стороны, концепту относится все, что принадлежит структуре понятия. С другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма, символика, особенности восприятия и оценки. «Концепты обладают национальной спецификой, которая проявляется в совокупности, стандартизированных концептов в сознании народа». [Хроленко, 2009: 58]

В. И. Карасик, Г.Г. Слышкин, В.В. Воробьев отмечают, что именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому лингвокультурологический концепт является основной единицей сознания,

имеющей овеществление языковыми средствами. Практически общепринято, что культурный концепт – это многомерное ментальное образование.

Совокупность концептов в языке рождает концептосферу. Д.С. Лихачев впервые в науку ввел термин концептосфера, под которым понимается «совокупность потенции, открываемое в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [Лихачев, 1997: 153].

Правомерно говорить о существовании международной или общечеловеческой концептосферы, состоящей из общих констант человеческого бытия, как добро-зло, небо-земля. Индивидуальные концепты существуют, они более подвижны и гораздо разнообразнее, чем коллективные, так как именно они впоследствии и образуют общеколлективный национальный концепт. Концепт, являясь многокомпонентным и сложным явлением, не отличается четкой организацией, но тем не менее имеется ряд обязательных признаков: областью действия концепта является сознание человека; он является элементом концептуальной системы; обладает национально-культурной спецификой и не существует изолированно; объективируется языковыми средствами; обладает достаточно сложной многоуровневой структурой; тип концепта и методика его описания во многом зависит от того явления, которое соположено ему в мире.

Отмечается, что концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями языка. «Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт и религия, тем богаче концептосфера народа» [Лихачев, 1997: 153].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей». Кроме того, концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в

системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. [Попова, 1999: 18].

А.Т. Хроленко пишет, что «национальная концептосфера — это совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа. Ряд концептов присущ одному этносу, а потому возможна безэквивалентная (непереводимая) лексика. Однако значительная часть концептосфер различных этносов совпадает, чем объясняется возможность перевода с одного языка на другой» [Хроленко, 2009: 58].

«Отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [Лихачев, 1997: 154].

1.2. Концептуальная и языковая картина мира

Интерес к языковой картине мира отмечается в работах В. Фон Гумбольдта, который отмечает, что различные языки являются для нации органами оригинального мышления и восприятия. Впервые термин «языковая картина мира» (ЯКМ) предложил Лео Вайсгербер. ЯКМ определяется как, исторически сложившаяся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженное в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета народа, и языковых, обуславливающих состояние и функционирование языка. «Языковая картина мира — это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых,

человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, всё то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова, 1999: 15].

Можно предполагать, что картина мира концептуальная и языковая соотносятся. Картины мира, и тем более языковые, этнически специфичны. Национальное своеобразие видится в наличии/отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системе связей и пр. [Хроленко, 2009: 58]

Языковая картина мира представляет собой систему презумпций, входящих в значение языковых единиц данного языка. Она состоит из языковых концептов, которые формируют представление об окружающем мире у носителей этого языка, и обуславливает коммуникативное поведение, понимание внутреннего и внешнего мира человека, а также языковую систему.

Под концептуальной картиной мира понимаются знания и представления человека о действительности как результат его психологической активности. Познавая окружающий мир, человек формирует общие понятия, которые объединяются в систему знаний о мире. Основная часть знаний закрепляется в языке значениями конкретных языковых единиц. В единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности. Отсюда следует, что языковая картина мира «нарисована» средствами естественного языка, сохраняя древние представления этноса, а концептуальная картина мира «нарисована» средствами цивилизации того этапа, в котором находится общество в данный момент. Таким образом, языковая картина мира помогает сформировать другие картины мира и функционирует прежде других, так как человек понимает мир при помощи языка, в котором фиксируется национальный и общественно-исторический опыт. Как пишет М.А. Лазарев в своей статье, «в силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир». [Лазарев, 2014: 470]

О.Л. Каменская оперирует понятиями концептуальная картина мира и концептуальная система, под которыми понимается совокупность моделей,

структурирующих знание о мире. Можно сказать, что под концептуальной картиной мира в лингвистике понимают: 1) совокупность знаний о мире, которая приобретается в деятельности человека, 2) способы и механизмы интерпретации новых знаний.

Языковая картина мира отличается национальной специфичностью. Национальное своеобразие, обозначение явлений действительности в разных языковых системах сводится к: отсутствию отдельных языковых единиц для наименования того или иного явления; различию во внутренней этимологии слова, влияющее на характер восприятия самого объекта; несовпадению семантики языковых единиц; различия в номинации явления, указывающие на принципиально иной выбор соответствующих признаков для формирования семантики единиц; концептуально значимое разбиение по классам, влияющее на описание соответствующих объектов; грамматические особенности, обусловленные своим набором категорий; семантические коннотации, зависящие от сложившихся традиций и особенностей жизни общества и фиксирующие в сознании людей соответствующую объективную структуру общественных отношений и особенности индивидуального воспитания.

Таким образом, языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру, самому себе как элементу мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. И является информацией, рассеянной по всему концептуальному признаку и связанной формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержаниями концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носителя данного языка.

1.3. Концепт пространство в лингвокультурологии

Концепт пространство является одним из важнейших элементов модели мира архаической культуры. Ориентация в пространстве является для

человека одним из важнейших условий его выживания и существования: пространство и время относятся к двум фундаментальным характеристикам физического и духовного бытия человека, задаваемым космическими в своей основе явлениями. Как писал А.Я. Гуревич, «время и пространство – определяющие параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта» [Гуревич, 1984: 43].

Стивен Хокинг описывает пространство так: «Пространственное измерение – это любое из трех пространственноподобных измерений пространства-времени, то есть любое измерение, кроме временного. Пространство-время – четырехмерное пространство, точки которого соответствуют событиям». Пространство и время не только влияют на все происходящее во Вселенной, но и сами повержены влиянию происходящих во Вселенной событий. «Мы не можем говорить о событиях во Вселенной вне понятий пространства и времени, и точно так же в общей теории относительности не имеет смысла говорить о пространстве и времени вне Вселенной» [Хокинг, 2017: 52].

Пространство является категорией культуры, которая отражается в языке. Пространственная лексика активно рассматривается в лингвокультурологии, ученые отмечают главную цель лингвокультурологических исследований – изучение языка как феномена культуры; это определенное видения мира сквозь призму национального языка. «Язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [Маслова, 2001: 8].

А.В. Подосинов отмечает, что пространственные представления обусловлены изначально биологическими особенностями человеческого тела, закрепились в психике человека, затем наложились на природно-космическое окружение его (например, точки движения Солнца по небосклону), и, наконец, были перенесены на социальную действительность. Таким образом, «ориентация по странам света оказывается следствием, с одной стороны, биологической природы человека, с другой, – космического порядка, в

который оказалась встроена Земля (ее вращение, расположение земной оси, смена дня и ночи, направление видимого движения Солнца и других небесных тел и т.д.)» [Подосинов, 1999: 639].

Понятия пространства и субстанции входят в число главных категорий бытия, притом пространство рассматривается как основная форма существования материи. Е.С. Кубрякова в своей статье «О понятиях места, предмета и пространства» отмечает, что «современные ученые, изучающие концепт пространства, неизменно возвращаются к идеям В.Н. Топорова, высказанным в его работе начала 80-х. В ней он утверждает, что существует два понимания пространства – по Ньютону и по Лейбницу. Различия этих понятий сводятся в конечном счете к тому, что одно – отвлечено от человека-наблюдателя, другое, напротив, «одушевлено» его присутствием, определяется «порядком сосуществования вещей». Как комментирует это положение Е.С. Яковлева, «ньютоническое пространство является объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоническое пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира» [Кубрякова, 2000: 84].

Пространственная ориентация составляет один из важнейших элементов модели мира архаической культуры. Ориентация в пространстве являлась для человека одним из важнейших условий его выживания и существования: пространство и время относятся к двум фундаментальным характеристикам физического и духовного бытия человека, задаваемым космическими явлениями. [Подосинов, 1999: 20] Картина мира для древнего человека складывалась на нескольких взаимообусловленных и сосуществующих на разных уровнях аспектов – космического (астрономического), географического, религиозно-мифологического и личностного восприятия.

Объективно существующее (физическое) пространство при этом часто не совпадает с пространством субъективным (человеческим).

«Пространственные представления в своей ориентационной части явились основой символической классификации, которая пронизывала все сферы жизни человека и в которой на четыре стороны света и центр накладывались как на матрицу символические ряды элементов, цветов, времен года, животных и т.д.» [Подосинов, 1999: 640].

В центре нашего изучения должна стоять не земля и природа сами по себе, а человек, его жизнь на земле, его восприятие окружающей среды, его идейно психологический мир. Пространство рассматривается не в его физическом объективном понимании, а в субъективном антропоцентрическом восприятии.

Пространство по-разному объясняется физиками и философами, истолковывается как некое вместилище, невесомость, заполняемое сгустками материи, сущностью и их отношениями. В том числе и культура. Земное пространство представляется как многообразие географической ландшафтной реальности, определенная область, площадь, простор. И культура образуется в этих конкретных физико-географических условиях.

Культурное пространство – это поле (по типу с физическими полями), формируемое взаимодействием и влиянием ценностей и систем культуры. Специфика культурной жизни, ее ценность и форма выражения сформирована определенной местностью, ландшафтом, величиной территории. Существуют разные виды цивилизации: горные, лесные, пустынные, степные, речные, морские и океанические. От этого во многом зависит установившийся порядок жизни, религия, виды жилищ, хозяйственный уклад, национальная кухня, точнее тип и особенность культуры.

Культурное пространство содержит не только внешние конфигурацию, оно «рассредоточено» в духовном мире общества и личности. Этот пространственный слой, или единица, наиболее важный, потому как влияет на мотивацию поведение людей.

Культурное пространство взаимодействует с другими пространствами, географическими, информационными, этническими, лингвистическими, и имеет свою самобытность, особую модель, способы выражения и динамику развития.

Антропологические и культурологические подходы, развитые мировой наукой в XX столетии, позволят подойти к исследованию концепта *пространство*, что чисто технические, казалось бы, вопросы – к какой стране света обращены дома, стойбища, могилы, как ориентированы карты, что означает у юкагиров слово “восток”, – становятся средоточием глубинных проблем самосознания общества, в котором отражаются представления человека о себе, о космосе, о богах, об окружающей среде, об обществе и культуре.

2. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА *ПРОСТРАНСТВО* В ЮКАГИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Юкагиры – один из древнейших этносов Северо-Восточной Азии. Они с древнейших времен населяли территорию современной Якутии, Чукотки и западной части Магаданской области. В этнокультурном отношении выделяются две территориальные группы: тундровые и лесные. Юкагирский язык имеет два диалекта: тундренный и верхнеколымский (лесной). Лесные юкагиры называют себя *одул* и обитают в бассейне р. Ясачная, левого притока р. Колыма, на территории Верхнеколымского улуса (района) Якутии. Тундренные юкагиры называют себя *вадул* и обитают на территории Нижнеколымского улуса Якутии по бассейнам рек Алазея и Большая Чукочья, впадающих в Северный Ледовитый океан.

С начала когнитивных исследований концепт стали вычленять на различные компоненты. Об этом писали Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, М.В. Никитин. Большинство исследователей разделяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро. Опыт исследований З.Д. Поповой и И.А. Стернина показывает, что концепт делится на три базовые структурные компоненты (элементы) концепта – «образе, информационном содержании и интерпретационном поле» [Попова, 2007: 75].

Концепт рождается как чувственно-образная единица УПК, этот образ и остается его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки, концепт не имеет жестких очертаний и границ, он всегда в движении, смысловом развитии. Жизненный опыт человека обогащает содержание концептов, которые составляют его концептосферу. Съездив на море, человек обогащает содержание своего концепта «море», увидев пожар, человек обогащает содержание концепта «пожар» [Попова, 2007: 71].

Концепт пространство относится к ключевым концептам юкагирского языка и является важнейшей лингвокогнитивной структурой языковой картины мира, аккумулирующей соответствующие образы, понятия, представления, которые реализуются в юкагирском языке с помощью системы языковых единиц. Будучи таковым, он обладает сложной структурой и содержанием.

2.1. Полевая модель концепта *пространство*, отраженная в космологии юкагиров

В структуре концепта *пространство* выделяются ядро, базовые слои и поле. Базовый слой концепта *пространство* – место. Не всякое место, а место на земле, вокруг человека и его дома: земля, родной край:

“*Лукул* сущ. 1) земля, почва; 2) земля, суша; 3) место. *Лукунбурэбэ* сущ. 1) земля, земная планета; 2) страна, край; 3) родина, родной край; 4) местность; 5) место; 6) территория. *Лэвэйнубэрэ* сущ. 1) природа; 2) земля, край, район; 3) родина, родной край; 4) местность”.

Мир, вселенная	<p><i>Сукун</i> ‘мир, свет, жизнь’; <i>Сукунбурэбэ</i> ‘мир, вселенная’; <i>Пудуол лэбиэ</i> ‘верхний мир’; <i>Өрдьюол лэбиэ</i> ‘средний мир’;</p>
----------------	--

	<p><i>Албадуоль лэбиэ</i> 'нижний мир';</p> <p><i>Лэвэиньбурубэ, лукул, лукунбурэбэ</i> 'Вселенная, мир';</p> <p><i>Лэбиэ</i> (л.д.) 'Вселенная';</p> <p><i>Мучин-лэбиэ</i> (л.д.) 'Вселенная';</p> <p><i>Кужууд ониль</i> (л.д.), <i>Айбидьии</i> (л.д.) 'Вселенная, мир'.</p>
Родная земля	<p><i>Лукул</i> 'земля';</p> <p><i>Лукунбурэбэ</i> 'земля, земная планета; 2) страна, край; 3) родина, родной край';</p> <p><i>Лэвэйнубэрэ</i> '1) природа; 2) земля, край, район; 3) родина, родной край';</p> <p><i>Өнидьэ</i> 'земля';</p> <p><i>Уйлоой лэбиэ</i> 'родина'.</p>
Место, дом	<p><i>Ибиэр</i> 'пространство вокруг очага';</p> <p><i>Нимэ</i> '1) жилище; 2) семья';</p> <p><i>Нимэдьуоль</i> 'улица; пространство между домами';</p> <p><i>Нимэдорьэ</i> 'центральная точка жилища, комнаты';</p> <p><i>Нимэнпудилиэл</i> 'пространство вокруг дома'.</p>

Центром пространства является дом. У других народов центр мира отмечается каким-либо выдающимся в прямом и переносном смысле предметом – у народа Саха, например, отмечается «мировым деревом». А у юкагиров это дом. В словаре Э.С. Атласовой 'пространство' имеет два значения: «1) ибиэр 'пространство вокруг очага'; 2) нимэдьуоль сущ. 'улица; пространство между домами'. *Нимэдорьэ* 'центральная точка жилища, комнаты'». Также слово 'место' имеет два значения: «1) *чиичээ* 'многолюдное место'; 2) нимэдабуолуол 'место, где стояла юрта, яранга'». А в словаре В.И. Иохельсона имеет три значения: «*эгэибэ* 'место стоянки, привала', 2) *эгунбэ* 'место прогулки', 3) *эгилуол* 'место остановки'».

Таким образом, можно предположить, что национально-культурной спецификой концепта пространство является концентрическое мировоззрение. Форма дома юкагиров представляется как круг, имеет коническую форму. Круг определяется как модель кочевых юрт и поселений, обозначающий динамизм и бесконечный процесс в противоположность квадратной форме домов и городам. А круг это универсальный символ, обозначает целостность; округлость представляет небесную сферу, солярную цикличность.

Юкагиры жили в транспортируемых конических юртах, покрытых дымлеными оленьими шкурами. Каркас юрт сделан из длинных прямых тонких жердей тополя, осины или ивы. Верхние концы жердей соединены веревками из лубяных волокон или ивовым обручем, а нижние концы помещены в правильный круг в земле или на снегу. Покрышка конической юрты из шкур по-юкагирски называется кутийэ. Она сшита из дымленых оленьих шкур и состоит из трех отдельных полотнищ. Эти полотнища отличаются по длине, и каждая из них имеет свое название. Верхнее полотнище называется тимил, а два шеста, к которым оно прикрепляется кожаными ремешками, - тимин-шаал. Среднее полотнище – ордьолон, т.е. средний. Нижнее полотнище – нумэн албада, что значит “нижняя часть” дома. Верхушка каркаса юрты остается непокрыто и служит отдушиной. Через это отверстие и проникает солнечный свет. Угол, под которым устанавливаются столбы, одинаков для больших и маленьких юрт. На полу, в центре, находится очаг, окруженный камнями. Над очагом установлена деревянная тренога с крюками для подвешивания котлов. Под скатами юрты со всех сторон размещены сиденья из мягких ивовых веток, покрытых оленьими шкурами. Нижнее полотнище покрывает юрту не полностью. Между двумя столбами оставляется открытым вход. Этот вход закрывают шкурой оленя [Иохельсон, 2005б: 498].

Как пишет А.В. Подосинов, «жилище кочевников представляют собой модель Вселенной, организуют сакральное и мирское пространство

мезокосмоса в соответствии с матрицами макрокосмоса» [Подосинов, 1999: 435].

Космологические черты юрт видны в отождествлении ее крыши с небом, дымового отверстия – с входом в иной мир, ассоциацией центрального шеста и места очага с мировой осью. Также надо полагать, что ориентация юрты также не случайна, но подчиняется общим взглядам на структуры космоса. Таким образом, происходит трансформация вертикальной космологической картины мира в горизонтальную [Подосинов, 1999: 426].

Также концентрический пространственный образ мира наблюдается на орнаментах традиционной одежды юкагиров. Так, Л.Н. Жукова в своем исследовании отмечает, “противоположно лежащие дуги, заключенные в звенья зигзага, назовем «палитрой жизни» (угол вверх) и «палитрой смерти» (угол вниз). «Палитра жизни», дважды повторенная слева и справа в общей вершине, в сумме составляет 1/2 части круга, соответственно, повторение «палитры смерти» составляет вторую часть круга. Так воссоздается пространственный образ мира — окружность из семи вписанных полихромных кругов. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что семантика одного, двух, трех и более концентрических кругов различается объемом смысловой нагрузки. Можно говорить о возрастающей или убывающей сакральности кругов в противопоставлении периферия — центр» [Жукова, 2012: 80].

В структуре концепта *пространство* выделяются равноправные по степени абстракции сегменты «Верхний мир», «Средний мир», «Нижний мир». Это связано с пониманием пространства в значении «мир» как вселенная, система мироздания как целое.

В настоящее время традиционная культура юкагиров преобразилась, подстраиваясь под разные исторические ситуации, но сохраняет основу древних представлений. Основой пространства является космология — устройство Вселенной, на нее опирается не только духовная, в том числе обрядовая и священная жизнь народа, но и материальная сфера. Космология

юкагиров – это представления о божественном Небе – абсолютном источнике всего материального и нематериального, об антропоморфном божестве–идоле Хойл и о божестве Природы Пен, также это древняя модель трехъярусной Вселенной, где разграничены верхний, средний и нижний миры.

Концептуальным признаком сегмента «Верхний мир» является: расположенность над человеком; связь с высшей силой и погодой. К общим концептуальным признакам сегмента «Средний мир» относятся: место обитания человека, расположения его жилья.

Сегмент «Средний мир» концепта *пространство* имеет дискретные единицы, в число которых входят: «Дом» с компонентом «очаг»; «Вода» с компонентами «Озеро», «Река»; «Тундра», «Тайга» с компонентом «Дерево». Структура и содержание сегмента «Средний мир» представляют собой своего рода когнитивную карту, помогающую человеку ориентироваться в окружающем его пространстве и вербализуемую в юкагирском языке. Концептуальным признаком сегмента «Нижний мир» является его связь с миром мертвых и многослойность пространства.

По фольклорным данным вселенную юкагиры делят на три мира: верхний мир (*пудуол лэбиэ*) – это небесный свод, мир людей, земля определяется как средний мир (*өрдьуол лэбиэ*), а загробный, мир мертвых – это нижний мир (*албадуоль лэбиэ*). Каждый из этих миров также содержит несколько ярусов. Модель трехъярусной вселенной наблюдается не только в фольклоре, также обнаруживается среди петроглифов Якутии, датированных бронзовым веком, и на орнаментах традиционной одежды. «У юкагиров форма верхней земли соотнесена с радугой или формой конического жилища, а предположительной моделью нижнего мира юкагиров является четырехугольная усеченная пирамида с тремя ярусами» [Жукова, 1996: 26].

2.2. Система ориентации в пространстве

Ориентация по сторонам света – помимо своего естественного практического значения (на охоте, в путешествиях, на войне) – имела, как правило, также и сакральный смысл. Древний человек стремился в окружающем его микрокосме воссоздать пространственно-временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения, не в малой степени с целью иметь возможность, оперируя с этой моделью, воздействовать на макрокосмические силы, управляющие его бытием [Подосинов, 1999: 20].

Ориентация по странам света, которая запечатлена в различных памятниках духовной и материальной культуры, имела для древнего человека сакральное значение, так как являлось важным элементом культовых действий, ритуалов и обрядов [Подосинов, 1999: 21].

Несомненный интерес представляет вопрос о том, как в языке, в фольклоре, археологических остатках и на орнаментах запечатлелись и отразились ориентационные воззрения, свойственные для носителя юкагирской культуры.

Реки, текущие, как правило, с юга на север, понимались как пути, ведущие в иной мир. У многих народов Сибири было распространено представление о космической реке, которая протекает через миры вселенной, а устьем уходит в нижний мир. Так происходит трансформация вертикальной космологической картины мира в горизонтальную.

Стороны света (*илэйэ* 'сторона света, ветер').

	Лесной диалект	Тундренный диалект
Север	<i>йуольуодьэуксыбэ, лэдудэ, лэллигулаабэт</i>	<i>чавлаабар, йуос</i>
Юг	<i>пугэсьэлэбик, пудилаабэт</i>	<i>саалабарэ</i>
Запад	<i>лэллигулаабэт бэдэк, йэлоодьод амлуйбэ</i>	<i>пурэгэлаабар</i>

Восток	<i>йэлюодьэд укчибэ/ укэсьэ, пудиллаагатбэдэк</i>	<i>йэргэйэ лохобойнубэ</i>
--------	---	----------------------------

	Лесной диалект	Тундренный диалект
Верх	<i>аудэ, пудит</i>	<i>пурэн, чандэ</i>
Низ	<i>албудэ, аадагэт, аат, хобонбэн, лэдэ, лэллукэ</i>	<i>албудэнг, албэврэ</i>
Перед	<i>кэйийэ</i>	<i>кэйэгудэ</i>
Зад	<i>йолобудэ</i>	<i>йолобудэ, лайа</i>
Лево	<i>тулугулаабэт</i>	<i>йавлангудэн</i>
Право	<i>милагэт, миилангидэ, йугулангудэн</i>	<i>йугулангудэн</i>

Север: *Лэдудэ (л.д.)* = буквально вниз по течению; лэдэ внизу (по течению), снизу;

Лэллугулаабэт (л.д.) = лэллукэ вниз, лэллугут – снизу, с низовьев реки.

Чавлаабар (т.д.) буквально морская сторона;

Юг: *Пугэсьэлэбик (л.д.)* = пугэ лето, жара;

Пудилаабэт (л.д.) = пудит сверху;

Саалабарэ (т.д.) = от саал – лес + лабарэ – сторона, направление, пространство (буквально таежная сторона).

Запад: *Йэлюодьод амлуйбэ (л.д.)* – буквально закат; *йэлюодьо* – солнце + *амлась* – нырнуть, погрузиться, зайти, сесть (о солнце);

Пурэгэлаабар (т.д.) пурэ – верх + лаабар – сторона, направление, пространство.

Восток: *Йэлюодьэд укчибэ/ укэсьэ (л.д.)* укчибэ - буквально восход, заря; укэсьэ – луч солнца;

Йэ́рпэйэ лохо́бойну́бэ (т.д.) йэ́рпэйэ – солнце + *лохо́бойсэ* 'приподняться, встать, всходить'.

Анализ этих слов показывает, что стороны света получили наименования от ветров, а также по расположению морей, движения солнца и морей, что относится к ориентации, основанной на географических признаках местности.

Одной из самых распространенных в традиционных культурах ориентационных систем является такая, при которой передней считается восточная сторона света, южная – правой, западная – задней, а северная левой. Анализ пространственной лексики показал, что для юкагирской лингвокультуры это не характерно. В юкагирском языке понятия юга и севера связаны с терминами выше и ниже: север – низ, юг – верх, также и запад – верх.

В географическом пространстве ориентирами могут выступать приметы местного ландшафта: течения рек, озера, горы и равнины, побережья морей, направление ветров и морских течений, наконец, астрономические явления – движение солнца, луны и звезд. Анализ названий сторон света в юкагирском языке показывает, что ориентиры непосредственного географического окружения выступают заменой сторон света, определяемых астрономически, т.е. по движению небесных светил.

Как писал А.В. Подосинов, само устройство человеческого тела предполагает наличие в сознании человека изначальных психофизических категорий «переднее» и «заднее», «правое» и «левое», а существование земного притяжения задает его организму различие «верха» и «низа». Благодаря существованию этих особенностей все горизонтальное пространство вокруг человеческого тела начинает члениться на четыре части.

«Передняя» находится перед ним, и человек может обзирать ее, поэтому она наиболее обжита, безопасна, как бы освещена человеческим зрением и потому наиболее сакральна. «Задняя» сторона выступает как небезопасная, профанное пространственное поле.

Геокартографическая ориентация юкаги́ров

В первичную ориентацию юкагиров в пространстве входит геокартографическая ориентация. Под геокартографической ориентацией следует понимать ориентацию человека в географическом пространстве, то есть в пределах конкретной местности.

Жизнь человека в большой степени определялась теми естественно-географическими условиями, которыми характеризовалось его существование. Течение рек, озера, горы, направление ветров – все природные приметы наряду с астрономическими явлениями (движение солнца и звезд) служили мощными факторами ориентирования в географическом пространстве.

Для юкагиров река играет важную роль, так как они являются носителями «речных культур». Ниже представлены реки, которые часто изображаются на картах и упоминаются в фольклорных произведениях юкагиров:

- Большая Чукочьа – длина реки — 758 км, площадь бассейна — 19 800 км². Вытекает из небольшого озера Усун-Кюель, протекает по Колымской низменности по тундре среди многочисленных тундровых озёр. Впадает в Восточно-Сибирское море.
- Алазея – длина реки — 1590 км, по разным оценкам площадь её водосборного бассейна составляет от 64 700 км² до 74 700 км². Протекает на северо-востоке Якутии. К востоку от Индигирки впадает в Восточно-Сибирское море.
- Колыма – длина — 2129 км от истока реки Кеньеличи, правой составляющей реки Кулу, — 2513 км, из них около 1400 км на территории Магаданской области, остальное — на территории Якутии. Площадь бассейна — 643 тыс. км². Годовой сток составляет около 120 км³). Река образуется от слияния рек Аян-Юрях и Кулу, берущих начало на Охотско-Колымском нагорье. Впадает в Колымский залив Восточно-Сибирского моря тремя главными протоками: Каменная Колыма — правая, судоходная, Походская Колыма и Чукочьа.

- Омолон — правый и самый крупный приток Колымы. Протекает по территории Якутии, Чукотского автономного округа и Магаданской области. Длина реки 1114 км, площадь водосборного бассейна 113 000 км². Название реки образовано наименованием рода юкагиров омор («хороший») и термином он («река»), то есть «река рода омор».

- Ясачная – левый приток Колымы. В Магаданской области протекает по территории Ягоднинского и Сусуманского районов, в Якутии — в Верхнеколымском улусе. Берёт своё начало на восточных отрогах хребта Черского слияниемлевой и Правой Ясачной. Длина — 441 км (от истока Правой Ясачной — 490 км), площадь водосборного бассейна — 35 900 км². После выхода из гор течёт по Колымской низменности, в низовьях разбивается на рукава.

- Коркодон – правый приток Колымы. Берёт начало на склонах Коркодонского хребта, протекает между ним и хребтом Молькаты, в нижнем течении — по широкой заболоченной долине. Основной приток — Булун (правый). В бассейне Коркодона — свыше 1100 озёр. Река сплавная. Длина — 476 км, площадь бассейна — 42,8 тыс. км².

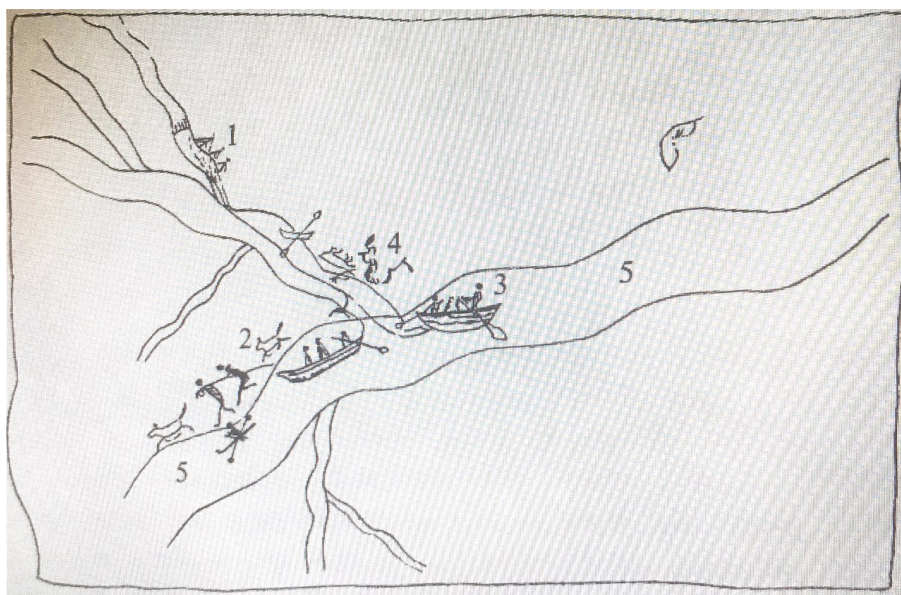
- Индигирка – за начало Индигирки принимается место слияния двух рек — Туора-Юрех и Тарын-Юрех, которые берут начало на северных склонах Халканского хребта; впадает в Восточно-Сибирское море. Суммарная протяжённость Индигирки и Туора-Юрех составляет 1977 км. В русских документах середины XVII века — Индигерь, Индигирь; также называлась Западная Колыма. Длина реки 1726 км, площадь бассейна 360 тыс. км².

Лесные и тундренные юкагиры осваивали окружающее пространство обитания векторным способом, вдоль рек и речных долин, что можно наблюдать в пиктографических письмах. Уникальность юкагирской культуры прослеживается в двух видах пиктографического письма – любовных письмах

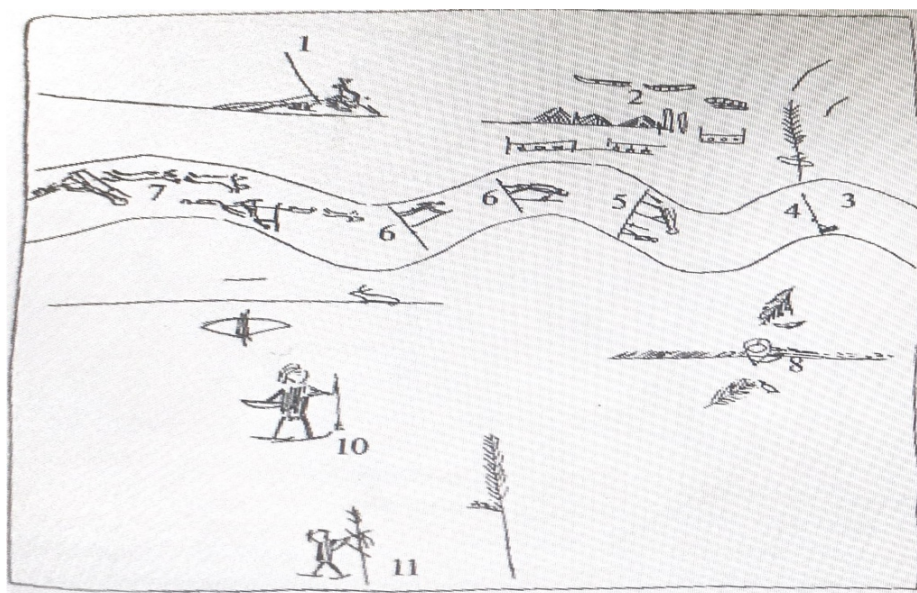
и картографических. В последних юкагиры выступают умелыми создателями простых нарисованных карт и отличными мастерами в пространственной ориентации на местности.

В работах отечественного исследователя, этнографа, основоположника юкагироведения В.И. Иохельсона значатся основные сведения о пиктографических письмах. [Иохельсон, 2005б: 610-621] Пиктографическое письмо сохранился у юкагиров на реках Коркодон и Ясачная. В.И. Иохельсон обнаружил два вида пиктографических письма – реалистическое и условное. Реалистическая форма графического искусства пользуется в письмах на бересте, когда одно лицо или группа людей сообщает другим лицам о своих делах и переживаниях. Разумеется, эта форма письма может быть названа реалистической лишь в той мере, в какой пишущий способен изобразить фигуры людей, животных и предметы. Когда охотник покидает свое стойбище или место сезонного обитания, он оставляет на дереве берестяное письмо, чтобы информировать сородичей, куда он направляется и что с ним произошло. Такие письма можно рассматривать как карту, которая покажет нам, как юкагиры ориентировались в пространстве.

Нами было проанализировано 10 карт. Чаще всего на картах изображены реки, так как реки для юкагиров являлись одним из основных способов ориентации в пространстве, поскольку служили с географической позиции границами проживания того или иного соседствующего племени.

На этой карте нарисована река Колыма, ее приток Ясачная и приток последней Нелемная. На берегу Нелемной изображены три конические юрты (1), недалеко от них, выше по течению, реку перекрывает запруда с сетями. На реке Колыма (5) видны две лодки. Они лодки спустились с Нелемной, где находятся юрты. Одна из лодок (3) спускается вниз по Колыме. Охотник, приплывший на этой лодке, стоит на берегу Ясачной возле туши убитого оленя (4). На земле рядом лежит ружье, выше по течению вслед за оленем на берег вытащен его челнок. Вторая лодка, которую видим близ устья Ясачной, где стоит маленькая юрта, поднимается вверх по течению Колымы (2). Двое мужчин тянут ее на буксире. По берегу бегут две собаки, их не запрягли, чтобы помочь тянуть лодку. Перед лодкой плывет на челноке против течения, отталкиваясь шестом, охотник. Его двойное весло лежит поперек челнока.

На этой карте представлены сцены зимней жизни юкагиров. Ясачная замерзла (3). Собаки и люди на лыжах с палками тянут две собачьи упряжки (7), а в трех местах мужчины долбят проруби для ловли рыбы (5,6). Выше по течению у проруби сидит мужчина и ловит рыбу (4). На правом берегу реки возле ловушки остановился заяц (1). Далее расположены три юрты, а рядом – нарты, лыжи и птичьи силки (2). На дереве повешена для просушки лыжа. На левом берегу изображен заяц, бегущий по направлению к тому месту, где установлен самострел (9), ниже – охотник на лыжах прислонил свое ружье к

дереву и стреляет в белку, сидящую на соседней лиственнице (11). Справа видны птицы, клюющие лиственничные ветки (8).

В.И. Иохельсон описал очень интересную карту, которая показывает точный маршрут с верховьев Колымы, а именно от устья реки Буонда (3), через Становой хребет к селению Гижигинск на реке Гижига, что в двадцати верстах от побережья Охотского моря. Становой хребет показан неровной линией (4). Круги на линии маршрута указывают места стоянок. Фигура с крестом обозначает селение в Гижигинск, резиденцию окружной администрации (6). Как пишет В.И. Иохельсон, карта была сделана юкагиром, сопровождавшим якутского купца, который ездил в Гижигинск для покупки нужных товаров и продажи меха [Иохельсон, 2005б: 619]. Изображены река Колыма (1), якутское селение (2), река Вархалам (5). Согласно этому путеводителю, путь от Буонды до Гижигинска занимает двадцать семь дней. Но это относится к поездке на лошадях весной или ранним летом, когда начинается оттепель. Автор проехал от Гижигинска до реки Коркодон значительное более коротким путем, нежели маршрут Гижигинск – Буонда, и это путешествие заняло два месяца, так как дело было в августе и сентябре, когда эта местность изобилует болотами и тополями. Места стоянок за Гижигинском ведут на территорию коряков.

Рассматривая данные рисунки, можно разделить их на пиктографические письма и карты. Те и другие имеют в конечном счете практическое предназначение. Первые являются средством коммуникации между удаленными друг от друга группами, последние помогают неопытному охотнику ориентироваться в местности, главным образом в речных долинах края.

Очевидно, что юкагиры наносят на берестяные карты только те места, которые сами лично видели и хорошо знают. В своих рисунках они обнаруживают ясное понимание расположения рек, озер и гор относительно друг от друга, а также знание четырех сторон света. Таким образом, данные юкагирские рисунки маршрутов и карт можно отнести к примитивным географическим картам. Это доказывает, что юкагиры очень хорошо ориентировались в пространстве.

Мы можем говорить о важности естественных ландшафтных примет для ориентирования юкагиров в пространстве, об этом говорят случаи, когда вместо сторон света, определяемых астрономически (по движению небесных светил), употребляются ориентиры непосредственного географического окружения.

Итак, мы разобрали основные компоненты первичной системы ориентации юкагиров в пространстве, характеризующиеся непосредственным, чувственно-конкретным восприятием пространства, при котором человек, полагая самого себя в центре наблюдаемого мира, устанавливает направление (или местоположение) наблюдаемых и описываемых им географических объектов по ориентирам окружающей ландшафтно-климатической природной среды.

2.3. Пространственная лексика

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства *вербализации*,

языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.

Концепт репрезентируется в языке: 1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико- фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые); 2) свободными словосочетаниями, 3) структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты), 4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть [Попова, 2007: 38].

О пространственной лексике хорошо сказал В.А. Никонов: «без терминов пространственной ориентировки человечество было бы слепое. В этом прямом назначении они незаменимы. Но они драгоценны для многих отраслей науки. Их показания позволяют раскрыть: формирования представлений о планете, древние верования, развитие мышления от хаоса разрозненных наблюдений к целостной глобальной системе, историю народов (их расселение, связи, миграции), историю языков (различия межъязыковых общностей – генетических, контактных, типологических), семантическое словообразование... эти названия красноречивые свидетели мировой культуры» [Никонов, 1986: 166].

Путем анализа концепта *пространство* в лексике можно определить характерные черты ментальности носителей языка. Лексические единицы с

семантикой пространства, функционирующие в юкагирском языке, заключают в своем значении культурную информацию о пространственных представлениях, характерных для сознания юкагириров. Анализ полисемии пространственной лексики может выявить семантические связи значений и определить их семантические области. Изучение полисемии может представить негласные метафорические представления о предмете или явлении. Также изучение различных представлений о предмете или явлении даст возможность делать выводы о картине мира юкагириров.

С целью узнать о представлении разных аспектов действительности в культуре юкагириров, проведен анализ полисемии пространственной лексики. Наблюдается семантический переход между разными значениями одной лексической единицы.

Обратим внимание на оппозицию вперед-назад. Слово ‘вперед’ происходит от корня *кэй*: *кэйгудэ* ‘вперед’, имеет два значения ‘нареч. 1) вперед. 2) в будущем’; *кэйэбэ* сущ. 1) передняя: головная часть чего-либо; 2) начало, передняя часть чего-л.; 3) перен. предки, предшественники’.

Стоит отметить, что голова в юкагирском языке является передней частью, а не верхней. Слово ‘голова’ также обозначает переднюю часть: *йуо* ‘сущ.1) голова, 2) передняя часть 3) головка чего-л’. Это указывает на гипотезу, которую предложили А.В. Дыбо и Е.В. Рахилина в своих исследованиях, означающую, что семантика головы ‘верхняя часть’ говорит о человеко-ориентированной системе пространственных координат, а значение головы как ‘передней части’ указывает на животнo-центрическое восприятие пространства [Дыбо, 1996], [Рахилина, 2008]. Таким образом, мы говорим о многозначности слова. Существует два значения юкагирского слова голова: одно из значений – это “человеческая голова”– *йуодэвчэ* ‘темя’, *йуодавур* ‘кокошник, чепчик замужних женщин’, другое – “животная”– *йуо* ‘1) голова, 2) передняя часть’.

Интересна семантическая связь значений вперед, будущее, предки. В словах с корнем *кэй* в значении ‘вперед’ *кэйгудэ* ‘в будущем’ и *кэйэбэ* в

переносном смысле ‘предки, предшественники’ замечается антиномия. Также в словах *лайабэ* в значении ‘потомок, отпрыск’ от корня *лайа* ‘задняя часть, сзади’ и *лайгудэн* ‘в прошлом’ наблюдается противоречие значений. Это связано с культом предков: считалось, что через магические обряды предки оказывают помощь живущим, они являются советчиками и защитниками. Следовательно, предки пространственно локализуются спереди, так как являются покровителями рода, а потомки – сзади.

Также антонимия встречается в значениях слова вверх и вниз: слово с корнем *пурэ, пурэн* ‘на, наверху’ *пурэбэдьиш-* ‘победить, одолеть’, происходящее от *пурэбэ* ‘поверхность, верхний’ и слово с корнем *ал, албэ* ‘под, нижняя сторона’ *алун* в переносном значении опять же ‘победить’, однако с этим корнем в словаре есть слово *албэдьиш-* ‘проиграть, терпеть поражение’.

Анализ пространственной лексики позволяет выявить лексико-семантические группы (ЛСГ): человеко-ориентированная система пространственных координат, которая связана с антропоцентрическим мировоззрением, присваивающим качества и части тела человека неживым вещам и явлениям, животнo-центрическое восприятие пространства, и временной параметр пространства.

В лексико-семантическую группу «Человеко-ориентированная система пространственных координат» входят:

Вперед (корень <i>кэй</i>)	<i>кэйэбэ</i> «в перен. смысле предки, предшественники»
Назад (корень <i>лайа</i>)	<i>лайа</i> – «сущ. в переносном смысле ягодицы человека» <i>лайабэ</i> «1) сущ. потомок, отпрыск; 2) последний из...»; <i>лайаму-</i> «1) сохраниться; 2) остаться (в живых)»; <i>лайбуо</i> «сущ. 1) младший, последний (по возрасту) ребенок в семье; 2) зват.ф. младшой (обращение родителей к самому младшему ребенку в семье)»;

	<p><i>лайбэдуо</i> «сущ. последний (по возрасту) ребенок в семье; младшой»;</p> <p><i>лайуол-</i> «(3 л. мэ лайуонь; лайуолэл) неперех. быть последним (в гонках, в очереди)»</p>
Верх (корень <i>Пур, Чандэ</i>)	<p><i>пурэнбан</i> «(3 л. мэ пурэнбани; пурэнбанул) неперех. быть высоким»;</p> <p><i>пурэгбантэги-</i> «(3 л. мэ пурэнбантэги (й); пурэнбантэгил) увел. быть высоченным, рослым»;</p> <p><i>чанмэ</i> «сущ. старший брат», <i>чанмидьэнг</i> «сущ. старший (из братьев)»</p>
Низ (корень <i>Ал</i>)	<p><i>албэ</i> «под кем-л. (по возрасту)»;</p> <p><i>албамлуму-</i> «истощаться»;</p> <p><i>албуучи-</i> «пойти на убыль (о болезни)»;</p> <p><i>алунбан-</i> «(3 л. мэр алунбани; алунбанул) 1) быть низким; 2) быть низкорослым»;</p> <p><i>алунгурчи-</i> «(3 л. мэр алунгурчич; алунгурчиил) 1) снижаться; 2) стать ниже ростом»</p>
Вправо (корень <i>йугулла</i>)	<p><i>йугуллаабар</i> «правая сторона чего-л.»;</p> <p><i>йугуллаабарэ</i> «1) правая сторона чего-л.; 2) правый ездовой в упряжке»</p>
Влево (корень <i>йавлаа</i>)	<p><i>йавлаабар</i> «на левой стороне», <i>йавлаабарэ</i> «в знач.сущ. левый ездовой в упряжке»</p>

В лексико-семантическую группу «Животно-центрическое восприятие пространства» входят:

Вперед (корень <i>кэй</i>)	<i>кэйэбэ</i> «сущ. 1) передняя: головная часть чего-либо»
Назад (корень <i>лайа</i>)	<p><i>лайа</i> «сущ. 1) зад, задняя часть чего-л.; 2) ляжка; 3) задние ноги (животного)»;</p> <p><i>лайабарэ</i> «сущ. задняя часть (туши)»;</p>

	<i>лайадодьэ</i> «сущ. мякоть ягодицы (бедрa)»; <i>лайадугурэчэ</i> «задние ноги (животных)»
Верх (корень <i>пур</i> , <i>чандэ</i>)	<i>пурабадөмгэ</i> «сущ. верхний, тонкий слой мездры (оленьей шкуры)»; <i>пурадандьэ</i> «сущ. задний отросток, находящийся на середине рога»; <i>пуругулур</i> «сущ., неперев. <i>пуругулур</i> (один из отделов желудка оленя, книжка)»; <i>пурэгэлэгул</i> «сущ. один из отделов оленьего желудка».

К лексико-семантической группе «Временной параметр пространства» относятся:

вперед (корень <i>кэй</i>)	<i>кэйэбэ</i> «в перен. смысле предки, предшественники»; <i>кэйгудэ</i> «нареч. 1) вперед. 2) в будущем», <i>кэйгудэдэ</i> «нареч. 1) впредь 2) в дальнейшем; в будущем»; <i>кэйэн</i> «1) раньше; 2) впереди»; <i>кэйэтэн</i> «нареч. заранее, загодя»;
Назад (корень <i>лайа</i>)	<i>лайаан</i> «продольный падеж от <i>лайаа</i> : после»; <i>лайбүдэн</i> «наоборот; задом наперед; 4) в прошлом»; <i>лайэн</i> «нареч. позже»; <i>лайанэ</i> «в последнее время».

Таким образом, в результате анализа пространственной лексики были выявлены лексико-семантические группы: человеко-ориентированная система пространственных координат, которая связана с антропоцентрическим мировоззрением, присваивающим качества и части тела человека неживым вещам и явлениям, животное-центрическое восприятие пространства, и

временной параметр пространства. Наблюдается семантический переход между разными значениями одной лексической единицы.

2.4. Объективизация концепта пространство в фольклорных произведениях

Во времени и пространстве существуют разные культуры, но в каждой культуре «пульсирует» свое время-пространство. Как отмечает Ю.Г. Хазанкович, «локализация социального и природного бытия порождают культурные феномены – культурные «космосы». Одним из таких «космосов», является культура северных народов, которой присуще специфическое сакральное мышление» [Хазанкович, 2002: 8]. Это выражается в предметах материальной и духовной культуры. В этом разделе рассматривается пространственный аспект в контексте фольклорных произведений юкагиров.

Для изучения фольклора юкагиров мы использовали труды отечественных ученых–этнографов В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, Л.Я. Штернберга, Г.Н. Курилова, Е.А. Крейновича и др. Их труды до настоящего времени сохраняют свое фундаментальное значение.

Работы отечественного исследователя, этнографа Владимира Ильича Иохельсона являются бесценным материалом для изучения юкагирского фольклора, культуры и языка и служит базой для юкагироведения. В.И. Иохельсон один из ведущих исследователей Севера и основоположник юкагироведения.

Исследования по материальной и духовной культуре юкагиров впервые были проведены в конце XIX – начале XX в. В работах В.И. Иохельсона значатся основные сведения о юкагирах и их истории. Подробно описан юкагирский быт и представлены фольклорные тексты на юкагирском языке.

«Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» состоят из трех отделов. Первый отдел – сказки на языке лесных юкагиров, второй – их предания, легенды, рассказы, шаманские тексты и песни, третий – несколько

параллельных текстов на языках лесных и тундренных юкагиров, а также исправленные В.И. Иохельсоном образцы фраз, изданные академиком А. Шифнером. В данный монументальный труд вошло более 80 фольклорных произведений лесных юкагиров и 6 – тундренных. Юкагирский фольклор В.И. Иохельсон продолжил собирать в 1900-1902 годы, когда был участником Северо-Тихоокеанской экспедиции Американского музея естественной истории.

В.И. Иохельсон собрал ценные этнографические данные: записал очень много фольклорных произведений на юкагирском и русском языках, составил юкагирско-русский и русско-юкагирский словари. По результатам его экспедиционных исследований вышли в свет фундаментальные труды «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» [Иохельсон, 2005а], «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Иохельсон, 2005б], которые по сей день остаются настольными книгами для юкагироведов.

Научное издание «Фольклор юкагиров» [Курилов, 2005], составитель которого ученый-лингвист, этнограф, публицист и юкагирский поэт Гаврил Николаевич Курилов, является крупным материалом по фольклору юкагиров. В книге представлены полевые материалы, статьи об истории, культуре и творчестве юкагиров, фольклорные тексты лесных и тундренных юкагиров, которые являются подлинниками народной речи, диалектных форм языка.

Исследователь фольклора народов Севера Е.М. Мелетинский называл «главной особенностью северного фольклора – привязанность к мифологической традиции, поэтому развитие мифотворчества происходило в результате тесного взаимодействия с Природой, которую северянин наполнял сакральным смыслом». Исследователь утверждал, «закрепление мифологии в устном творчестве коренных народов находит свое объяснение в традиционном укладе их жизни, обеспечивающем функциональность фольклорных произведений». Назначение мифов, называл Е.М. Мелетинский

– утверждать систему ценностей, приятную в обществе, поддерживать и санкционировать определенные нормы поведения [Мелетинский, 1979].

Об идее единства Человека и Природы отмечал В.Г. Богораз. В этом заключается несомненная ценность фольклора коренных народов Севера. Соприкосновение с ней вручает нам шанс почувствовать, что «и мы тоже составляем часть этой самой природы, предвечной и бессмертной, что наши собственные корни уходят в ту же самую землю...» [Богораз, 1919: 67].

Ученый В.И. Иохельсон высказывал мнение, что сильное влияние русской и других культур, значительные изменения в образе жизни привели к тому, что архаичные элементы юкагирской культуры постепенно начали утрачиваться и заменяться чужеродными. Особенно быстро процесс заимствования всего русского шел у лесных юкагиrow.

В. И. Иохельсон в книге «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» фольклорные произведения лесных юкагиrow распределил по двум разделам: в первый включил сказки, во второй – рассказы, предания и легенды. Подобное деление свидетельствует о том, что В.И. Иохельсон в этом вопросе последовал традиции верхнеколымский юкагиrow и разделил все произведения на два жанра: *чуулдьии* “сказка” и *ньиэжиил* “рассказ”.

Повествовательные произведения тундренных юкагиrow традиционно делятся на две большие группы. Первую из них составляют образцы, которые носят название *каваал* «сказка», вторую - образцы, именуемые *ньиэдьил* «рассказ» [Иохельсон, 2005б: 3].

В отличие *караваалтэ* «сказки», изображающих в основном вымышленные ситуации, *ньиэдьилтэ* «рассказы» повествуют о вполне реальных событиях прошлого. Вот потому тундренные юкагиры обычно говорят: *Туги эл караваалэн, туги ньиэдьилтэ: 1) ньидьил* “рассказ” и 2) *чуольэдьии ньиэдьил* “рассказ о древних людях”. *Чуольэдьии ньиэдьил* приближается к преданиям и легендам, находясь как бы между *караваал* «сказкой» и *ньиэдьил* «рассказом».

Караваллэ отличается от *ньиэдьиллэ* вымышленным характером сюжетов, наличием элементов волшебной сказки и такого сказочного персонажа, как *чуонгорэл*, буквально: “железное чудовище” (чуо “железо”, корэл “чудовище”). Это антропоморфное существо гигантского роста, живущее с женой и дочерьми, охотящееся на животных и людей. Оно изображается глупым легко поддающимся на хитрости. «Железное чудовище» тундренных юкагиров соответствует «сказочному старику» лесных юкагиров. Об этом персонаже В.И. Иохельсон писал: «Весьма возможно, что в юкагирских мифах о чудовищах-людоедах мы имеем следы существования на севере племени каннибалов, пожиравших пленников или вообще иноплеменников» [Иохельсон, 2005б: 4]. Такие специфические отрицательные персонажи, как *чуонгерэл* «Железное чудовище» и *чуулдьи пулут* «Сказочный старик» являются основой для выделения в сказках тундренных и лесных юкагиров двух подгрупп: 1) *каравааллэ* и *чуулдьиинэ* “сказки”; 2) *чуулдьиинэ пулут чуулдьиинэ* и *чуонгерэр каравааллэ* “сказки о чудовищах-людоедах”.

Однако в фольклоре тундренных юкагиров наряду с *каравааллэ* и *ньиэдьиллэ* есть еще одна группа произведений. В них повествуется о незаурядных людях, наделенных исключительными физическими или психическими качествами [Курилов, 2005: 28]. Она совпадает с рассказами о древних людях – *чуолдэдьиинэ ньиэдьиллэ*, но в отличие от последних в этой группе, во-первых, имеются персонажи, выступающие в качестве защитников сородичей и родной земли от иноземцев, во-вторых, присутствуют элементы волшебных сказок, в-третьих, встречается персонаж *чуонгерэл* «Железное чудовище». Тем самым отличаясь от *ньиэдьиллэ* «рассказов», они приближаются к героическому эпосу. Хотя рассматриваемые произведения не имеют в народе названия, исполнители обычно говорят: *Идьиэ чуольэдьиинэ пундунбутмэн* «Теперь о древних расскажу». Здесь глагол *пунду* – «рассказать» в отличие от глагола *ньиэдьи* – «рассказать» имеет еще значения «изложить», «пересказать». Эту группу произведений следовало бы назвать *чуольэдьиинэ пундуллэ* «сказания о древних людях» [Курилов, 2005: 28].

Таким образом, повествовательные произведения тундренных юкагиров Г.Н. Курилов в книге «Фольклор юкагиров» разделил на следующие группы:

1. Сказки – караваалпэ;
2. сказки о железных чудовищах – чуольэдьии ньиэдьилпэ;
3. рассказы – ньиэдьилпэ;
4. рассказы о древних людях – чуольэдьии ньиэдьилпэ, приближающиеся к жанру преданий и легенд;
5. сказания о древних людях – чуольэдьии пундулпэ.

В последних присутствуют произведения героического и социально-бытового характера.

Произведения типа ньиэдьилпэ «рассказы» повествуют о событиях, происходивших в реальном прошлом. В этом их основное отличие от чуольэдьии ньиэдьилпэ «рассказов о древних людях» (т.е. преданий и легенд), в содержание которых часто привносятся преувеличения, гиперболы. По этой причине рассказы обычно имеют более простую сюжетную линию, не изобилуют сравнениями и другими художественно-изобразительными приемами [Курилов, 2005: 43].

Современный повествовательный фольклор одулов включает произведения самых разных жанров: сказки о животных, предания и рассказы о жизни в прошлом, историко-героические предания, предания и легенды о шаманах, этиологические сказки, объясняющие особенности облика и образа жизни представителей животного мира, мифологические сказки об образовании и обустройстве Земли. Но мифов и мифологических сказок об устройстве вселенной крайне мало и были зафиксированы только в недавнее время. Например, есть сказка, согласно которой луна – это мужчина, бродящий в поисках еды вокруг озера от дома к дому. Человек-луна то сыт, то голоден, а значит, то полон, то худ. Во многих текстах обнаруживается влияние христианской религии, но библейские сюжеты в них переработаны в соответствии с традиционными воззрениями юкагиров. По одному из мифов, Христос и Сатана – два брата-антагониста, создающие землю. В другом

повествовании Христос представляется отцом хозяев Земли. Устраивая Среднюю Землю, он путешествует по трем уровням мироздания.

Широкое распространение в современном устном народном творчестве юкагиров получили легенды, предания и рассказы о шаманах. В.И. Иохельсону удалось записать немало преданий, посвященных деяниям шаманов. По В.И. Иохельсону, в древности у юкагиров был развит культ шаманов-предков. В преданиях о шаманах встречается упоминание о трех мирах Вселенной. Например, в одном предании из сборника В.И. Иохельсона [Иохельсон, 2005а: 242–243] шаман спускается в Нижний мир, чтобы вылечить раненого, потому что только таким образом можно было помочь испытывающему тот же недуг зятю. Имеется легенда, по которой молодой охотник, живущий со своей семьей на Поповке, выстрелил в распевающую на вершине горы песни дочь дьявола. От испуга она сбросила душу юноши в Нижний мир, отчего тот стал умирать. Для того чтобы вернуть «тень», то есть душу, обратно на землю, шаман велел сделать взамен улетевшей наверх девушки деревянную и посадить ее на дерево».

Были проанализированы сказки и рассказы, в которых описывается устройство Вселенной: «Петр Бэрбэкин», «Как Христос делал жизнь на средней земле», «Как черт Кожэ остался», «Мертвые люди», «Приход тени человека с нижней земли на среднюю землю», «Сказочный старик».

По фольклорным данным вселенную юкагиры делят на три мира: Верхний мир (*Пудуол лэбиэ*) – это небесный свод, мир людей, земля определяется как средний мир (*Өрдьуол лэбиэ*), а загробный, мир мертвых – это нижний мир (*Албадуоль лэбиэ*). Каждый из этих миров также содержит несколько ярусов [Жукова ч.1., 1989: 13].

Модель трехъярусной Вселенной наблюдается не только в фольклоре, также обнаруживается среди петроглифов Якутии, датированных бронзовым веком, и на орнаментах традиционной одежды [Жукова, 1996: 16]. Л.Н. Жукова в своих исследованиях отмечает, что трехчастная картина мира – это шаманская модель мира, в дошаманской картине мира вселенная двучастна.

Текстов, раскрывающих воззрения юкагиров на среднюю землю, значительно больше. Это тексты о потопе, о происхождении гор, рек, кочек и ям. В сказке «Как черт Кожэ без земли остался» описывается устройство Средней земли. По сюжету сказки Бог сотворил землю: «Среднюю землю живущие разделили между собой. Бог разделил, и, разделив, всем землю дал: четвероногим ходящим хозяевам; летающим птицам; хозяевам, дом которых на земле; живущим в воде хозяевам». Объясняется географический ландшафт земли: «Кожэ тогда пошел, просил, искал и плохую землю взял. Там, где он ходил, на этих местах появились ямы, бугры. На этом месте он прыгал и танцевал. Такие места называют “местом, где прыгал Кожэ”. Они (такие места) бывают у подошвы горы, под бугром, в редколесье, на берегах озера, на краю тундры. Это Кожэ ходил и танцевал в своих сапогах» [Жукова ч.1., 1989: 35].

В сказке «Как Христос делал жизнь на средней земле» встречается описание трех миров Вселенной. Верхнюю землю населяют боги и управляют средней землей. По сюжету сказки на средней земле стало много грешных людей, и боги решили отправить их на нижнюю землю: «На средней земле животных много стало, людей много стало, много грешили люди. Видя это с верхней земли, боги посоветовались и сказали: «Надо грешников на нижнюю землю отправить (буквально: утопить)». Из текста понятно, что нижняя земля расположена буквально под землей: «На нижней земле много стало грешников, не умещаются, стали они низ средней земли копать» [Жукова ч.1., 1989: 36].

«У юкагиров форма верхней земли соотнесена с радугой или формой конического жилища, а предположительной моделью нижнего мира юкагиров является четырехугольная усеченная пирамида с тремя ярусами» [Жукова, 1996: 26]. Л.Н. Жукова пишет: «Мифологическая Нижняя земля приобретала многоярусность, ее «заселили» предки, принявшие фантастический хтонический облик. Стали складываться образы хозяина Нижней земли — прапредка по мужской линии, главного персонажа юкагирской демонологии

(Остроголовый, Одноглазый), его злокозненных помощников, прапредка по женской линии — все они олицетворяли силы зла» [Жукова, 1996: 191].

Мир в сказках формируется посредством противопоставлений: земной мир—мир мертвых, день—ночь, белое—черное, вода—кровь, небо—земля, жизнь—смерть, добро—зло. Средний и Нижний миры противопоставлены друг к другу, как две оппозиционные системы: в мире мертвых ничего не видно открытыми глазами, а закрытыми — видно все. Это отражено и в традиционных представлениях. Информант Н.М. Лихачев писал: «Если у нас пурга —там (в Нижнем мире) хорошо, ясно; если мы голодаем — у них промысел хороший» [Жукова ч.1., 1989: 156].

Как поясняет информант В.Г. Шалугин, «нижняя земля подобно шкафу для посуды аажул, имеет форму усеченной пирамиды с наклоненными внутрь боковыми стенками. Этот шкаф содержит три полки (аажул) и вогнутую верхнюю доску (пудэнбэн), к ушкам которой привязывался кусок шкуры (тибиль), провисающий вниз и охватывающий весь шкаф. Верхняя полка вогнута — это плоскость Средней земли, две другие — прямые. Под нижней частью пространство не имеет четких границ. Три полки шкафа информант соотносил с тремя ярусами земли» [Жукова ч.1., 1989: 13].

Среди сказок трехъярусность строения вселенной наиболее ярко проявляется в «Сказке о Петре Бэрбекине», поэтому для более подробного анализа устройства Вселенной мы выбрали эту юкагирскую сказку. Записала на юкагирском и русском языках Л.Н. Жукова, рассказал житель поселка Нелемное В.Г Шалугин в 1987 году. В сказке описывается строение Вселенной, ярусы Нижнего мира, связывающие миры пути (кровяная река, воздушное пространство и др.). Герой в поисках бессмертия уходит со средней земли на нижнюю, попадает к обитающим на ее ярусах злым существам, хитростью спасается от них и вместе с тенями-айбии умерших людей возвращается на верхнюю землю и получает от помощников Бога звание «большого Бога».

В этой сказке, как и в других, ничего не сообщается о форме средней земли. Форма нижней земли описана в сказке. Она имеет три яруса; все ярусы в сказке представляют собой каждую отдельную землю со своими обитателями. Средний ярус – темное место, его ландшафт не сильно отличается от средней земли, кроме того, что вода красная (кровяная) и растения обладают способностью говорить. В этом ярусе обитают разные существа (Одноглазый великан, Червь-Оплетай). Также живут люди, которые вскоре должны вернуться на Среднюю землю. Это связано с религиозным представлением юкагиров об Айбии.

Айбии – это душа человека, которая после смерти перевоплощается в новорожденного. Айбии (верхнеколымский диалект) это слово, которое используется для обозначения понятия «душа»; Нуннии (тундренный диалект). «Вера в возвращение души учит людей жить по законам добра и любви, ведь только достойный человек мог рассчитывать на жизнь в будущем. Согласно В.И. Иохельсону, неподвижные предметы материального мира имели одну душу (айбии), человек - три души» [Жукова ч.1., 1989: 11].

Мифологическое представление о перерождении души описано в сказке «Приход тени человека с нижней земли на среднюю землю». Сказка раскрывает один из возможных путей возвращения тени умершего человека для нового рождения. Как и в «Сказке о Петре Бэрбэкире» вернувшаяся тень может сразу воплотиться в младенца, а может обратиться в растительность – дерево, траву, цветок, солому и стать человеком через какое-то время, если младенец, с которым ему надлежит вернуться, еще не родился.

При сравнении юкагирских притч и русских волшебных сказок Л.Н. Жукова обнаружила общность мифологических представлений юкагиров и восточных славян об инкарнирующей душе [Жукова, 1995: 33].

Верхний ярус Нижней земли – это последний ярус, откуда человек может возвратиться на Среднюю землю. Туда можно попасть тремя способами: первый способ – улететь на птице, второй способ – вверх по

воздушному пространству, превратившись в птиц, комаров или червей, трети способ – вверх по веревке через «дыру в земле» [Курилов, 2005: 331].

По представлениям юкагиров грешные люди не могут родиться заново, их души после смерти остаются на Нижней земле [Курилов, 2005: 156]. Когда человек прибывает на нижний ярус Нижнего мира, умирает его душа (айви), не имея возможности вернуться на Среднюю землю.

Передвижение по Нижнему миру в сказке связана с мотивом воды. Вся вода на Нижней земле красная (кровяная). Перемещение в Нижний мир соответствует направлению вниз по течению реки, на закат солнца: «*Таат хонут йуольуодьэдамлуйбэ лангил хамлуу* – пошел на закат солнца», «*Тудэгэлэ таат пэшишэйнгаа чобулгин уожиигэ йиэжут ходуодэг. Дьэ таат тудэгэлэ баалгэ чахайм, кужуугэ йохтэйлэ аалгудэ пэйжиим* – Так его бросили в море: качаясь на воде, лежит гроб. Ну, тут стало на волнах качать, вверх, к небу, подняло – вниз бросило» [Курилов, 2005: 327]. А направление на восход солнца и движение вверх по воздушному пространству – направление в Средний мир: «*Чобул пугильгэ нодоньэй. Табун йаан ньэмомьилгэ мэрэт йахай өрдюол лэбиэгэ. Тиит мэрэйнидэ пудуол лэбэгэ йахай. Таат йуөдэдэллэ аалбудэ лөудут өрдюол лэбиэгэ йаханульэл* – У Хозяина моря есть птица. Она три года летит, чтобы достичь Верхней земли. Кружась, снижаясь, так попадет на Среднюю землю»; «*Тит шоромопулгэт өрдюол лэбиэнгин кэбэйнунги нэмэгэт эллэ гудэдэллэ нодо нуот, кусьие нуот, кэлидьэ нуот. Аалбудуол лэбие аажульньэй, таа льэни йадайтэл шоромопул. Таат адаат пудуол аажулэк льэл, таа йахадэллэ шоромо айбии нуот гудэллэ поллодьинунги өрдюол лэбиэгэ* – Есть еще один путь. Эти люди уходят на Среднюю землю, превратившись во что-нибудь: в птиц, комаров, червей. На Нижней земле есть “полка”, возвращающиеся люди находятся там. Повыше нее (букв. отсюда кверху) есть (еще) полка – дошедший туда человек становится айви и рождается на Средней земле», «*Йуодудэт кужуунгин арнайт пудуол аажулгэ йаханги, чайкадиэ нуот гудэдэллэ* – Кружась: поднялись в небо и попали на верхнюю “полку” чайками», «*Петр Бэрбэкин тудэ шоромопулгэлэ ньиэдэллэ игэйэлэй*

пулкэшимэлэ. Табудэ мэт мойт арнайдин өрдьуол лэбиэнгин – Петр Бэрбэкин позвал своих людей, завязал узлы на веревке, чтобы, держась за них, подняться на Среднюю землю» [Там же: 329].

В сказках описывается жизнь на Верхней земле, но характеристика ландшафта отсутствует. Там живут «Хозяева земли, воды, огня, животных, четвероногих, птиц». Верхний мир населяют божества, они помогают людям в промысле, оберегают от болезней и бед, наказывают за дурные поступки. Наиболее почитались божества неба и солнца. Попасть на Верхнюю землю можно только с разрешения Бога: *«Тэт таа лээк, дьэ: хойлгэт ньиэнук аан. Подьэрхо гудэлэдин* – Ты так сделай: проси у Бога три дня на подготовку». В данном случае слово Хойл переводится как «бог, божество». Г.Н. Курилов предполагает, что представление о Хойл переплелось у юкагиров с представлением о христианском Боге [Там же: 500]. Таким образом, Верхний мир представляется как обожествленное Небо как источник жизни. Л.Н. Жуковой пишет: «небо мыслится как нечто, имеющее конкретную форму (в виде радуги, жилища), как нечто твердое, соотносимое со скорлупой яйца, или это абстрактный, бесплотный дух» [Жукова, 1996: 124].

Таким образом, по представлениям юкагиров умершие люди, не попадают на Верхнюю землю («Рай», «Царствие Божие»), как в религиозных представлениях других народов, а «спускаются» на Нижнюю землю, точнее на верхний ярус Нижней земли, ожидая перерождения. А души грешных людей после смерти остаются на Нижней земле.

Трудно уяснить «механизм» создания трехчастной модели. Можно предположить, что небесный купол над головой рождает представление о куполе под земной поверхностью, то есть широко известный образ мирового яйца.

В новое время у лесных юкагиров записано немалое количество историко-героических преданий о юкагирских воинах и военных столкновениях. Ранее такие рассказы, посвященные межплеменным и межродовым сражениям, фиксировались В.И. Иохельсоном и А.П. Лаптевым.

Главными причинами войн минувших дней были борьба за охотничьи территории и кровная месть. Описывая содержание исторических преданий, В.И. Иохельсон отмечал, что в их основе лежат «действительные факты, едва прикрашенные фантазией» [Иохельсон, 2005а: 25]. Нынешние предания продолжают традиции этого жанра произведений и изображают юкагирских мужчин бесстрашными, неимоверно сильными и выносливыми. Для повествований характерны такие средства художественной изобразительности, как гиперболы, эпитеты, сравнения.

В фольклоре тундренных юкагиров наряду со сказками и рассказами есть еще одна группа произведений. В них повествуется о незаурядных людях, наделенных исключительными физическими или психическими качествами, и присутствуют элементы волшебных сказок. Тем самым отличаясь от рассказов, они приближаются к героическому эпосу.

В работе Г.Н. Курилова «Фольклор юкагиров» они названы «сказаниями о древних людях», например, «Сказание об Эдилвее». В них имеются персонажи, выступающие в качестве защитников сородичей и родной земли от иноземцев. В «Сказание об Эдилвее» содержится 5 частей: «Поход Эдилвея к чачинцам и ламатканам», «Эдилвей и Пэлдудиэ», «Борьба за панцирь Эдилвея», «Эдилвей в старости», «Идилвей». Нами проведен анализ сказаний с целью: определить, как в них объективируется концепт *пространство*.

Для юкагиров река играет важную роль, так как они являются носителями «речных культур». Лесные и тундренные юкагиры осваивали окружающее пространство обитания векторным способом, вдоль рек и речных долин, что можно наблюдать в пиктографических письмах.

Реки для юкагиров являлись одним из основных способов ориентации в пространстве, поскольку служили с географической позиции границами проживания того или иного соседствующего племени. Это мы можем наблюдать в сказаниях: *«Маархадьэн тудэ уоньэн кэйэн мэ кэвэч. Анаанчуйэба эимудиэба пойуодьэ нимэк йуонумлэ Илэнэги пойуонь. Титтэ илэнэбанэ анаа йэклиэ иирэллэк, хайль тудуруун, эимудиэ тудуруун хадьир тун*

дъшилэ мэ сэмдъинга – Как-то раз Эдилвей со своим сыном пошли вперед. На склоне горы, у реки, увидели множество яранг. И оленей было много. Привязав своих оленей за горой, прячась, пошли между камнями вдоль реки к тем людям» [Курилов, 2005: 131]. *«Хадъи тэньит мэ кэвэйтэйэк, тэт йавул мэ чаахантэй. Лукулба кэткэйлба энулэн льэтэл, тадаа тэт йавлаабарэ чулбайк. Маархад илэлэк чабаак* – Когда отсюда поедешь, твоя дорога пойдет по льду. Когда доберешься до земли, будет река, тогда заколи своего ездового оленя. Переезжай реку на одном олене». *«Апаналаа нурильэ мэ чабадьэрэйм, чавул мэ чаахари. Тадаан пайпэнг мэ кэвэч. Уудэбанэ маалабарун мэр ангийэньи, уулги мэ чааханьи уудэк. Уучил йавулги мэр альаануни* – Старуха потрясла нурилем – море замерзло. Баба поехала нему. Едет – по обе стороны волны, а на ее пути вода замерзает. Как проедет – ледяная дорога тут же тает» [Там же: 141]. *«Уудэбанэ, сайдэн энулэн льэл. Тудэ йавлаабарэбанэ мэ чулбайм, лавйэнгинь пөчэйсэм. Таат мэ чабаай* – Едет – поперек река. Своего левого ездового заколола, столкнула в воду. Так переправилась. *Хадъир угурчэлэк кэйгудэнг кэвэч, – чавадабилбан уудэк ууй* – Вот пешком направилась вперед, все время держась берега моря. *Хадъир мэ кэвэч энуба чандэн ньанмэдабилбан* – Вот пошла она вверх по реке, вдоль тальников» [Там же: 57]. *«Энмудиэбэ лободьяачэк. Тадаа сисабуодьэ хайльэк льэл, тадаа сэвк. Чингичэлмэнг тэтханэ мэ вангчаангутэм. Тэт чобойэлэк сэвйэрукун чулбайнунк. Тадаат лавйэбан кэвэйтэбанэк, охоль лавйэбан уук. Йахлаах хадъир тэтэйлэк курильиик тэт йавул* – Иди мыться к речке. Там есть глыба с расщелиной, туда влезь. Ночью тебя станут искать. Тем ножичком каждого, кто полезет, коли. Потом пойдешь по воде, все время иди по воде. Дальше вот сама узнавай свой путь» [Там же: 151], *«Уудэк энуд-абилбан кэвэч* – Сразу же вдоль берега реки пошла», *«Тадаа энмудиэдабилбан йарэрэнг мэ кэвэч* – Тогда она пошла вдоль берега речки по воде» [Там же: 153], *«Хадъир Чамадэнунгинь мэ кэвэч. Чамадэнуба танг Пэлдудиэ нөдбэ көдэ нумуньиэнубэ лукунбурэбэба кэткэч* – Вот он пошел на Алазею. По Алазее дошел до местности, где обычно была стоянка Пэлдудиэ» [Там же: 161].

Также юкагиры определяли любое местоположение объекта по реке: «Хадуннааҕарут кэлук? Чамуодьэдэнуҕат, Кулумааҕат көлдьэн– С какой стороны ты приехал? С большой реки, с Колымы приехал» [Там же: 133] «*Хадаа лункунбурэбэньэмут?* – Где ваша родина? *Кулумаа нуругур. Тадаа виэдэнук льэл, тангун иньирҕа – В верховьях Колымы.* Там есть другая река, у ее истока (наша родина)» [Там же: 149]. «*Кулумаа иэмэндэҕат чупчэпул түдэ кирийэҕа кэлуунульэлнги, нуньилгинь* – На его имя с той стороны Колымы приезжали чукчи – чтобы его убить» [Там же: 159]. «*Танг чии илэпээрэн чавул ланудэн халдэйнги* – Те люди (чукчи) со своими оленями ушли в сторону моря. *Хадьи мэ тонгорэм. Индигиир йэклиэ пэлум* – Вот погнался. Догнал их за Индигиркой» [Там же: 173]. «*Пулдудиэ Аласэйҕа, Иириэ анаа алҕараҕа, Элгэ нөдөэ лункунбурэбэҕа льиэнульэнь* – Пулдудиэ жил на Алазее, в местности Элнгэ, к северу от горы Ирие» [Там же: 161]. «*Хадьир тунг гөдэ, маархадьэн лэвэйнубурэбэҕин сукидь эврэр-эврэр, маархан чупчэк Аласэй иэмундаҕа нуумэлэ* – Вот это человек однажды ходил-ходил по земле наобум, и на другой стороне Алазее встретил одного чукчу» [Там же: 183].

В сказаниях встречается ориентация по сторонам света: «*Танг чии илэлэ пуннаангумлэ. Мэ чулҕайнунга, йэрпэйэ ланудэн кудэрэллэк, чиэмэлэ сунгриингумлэ* – Те люди, пригнав оленей, стали оленей забивать. Закальвали оленей, клали его головой в сторону солнца и разбрызгивали кровь» [Там же: 131]. «*Йэрпэйэн элэйнубэҕинь уук. Курульуолэл анаанэнг – сукул ордьэк – В сторону захода солнца иди.* Виднеющиеся горы – середина пути» [Там же: 147]. «*Пулдудиэ Аласэйҕа, Иириэ анаа алҕараҕа, Элгэ нөдөэ лункунбурэбэҕа льиэнульэнь* – Пулдудиэ жил на Алазее, в местности Элнгэ, к северу от горы Ирие» [Там же: 161].

Как нам известно, сторона захода солнца – это запад (Йэлоодьод амлуйбэ (л.д.) – буквально закат; йэльоодьо – солнце + амлась – нырнуть, погрузиться, зайти, сесть), а сторону моря тундренные юкагиры определяют как север (*Чавлааҕар* (т.д.) буквально морская сторона). Возможно, при упоминании стороны моря в сказаниях имелось ввиду сторона света – света:

«Тан чии илэпээрэн чавул ланудэн халдэйги – Те люди (чукчи) со своими оленями ушли в сторону моря» [Там же: 173].

Сила героя выражается гиперболически со значением пространства, показывается с помощью расстояния рек: *«Энуфа чабаанара, ольдэльэ эл наадийаадьэ кэдэк. Иэмунгдэдаба маархадьэн хуусэйнулльэнь –* Переходя речку, в челноке этот человек не нуждался. Одним махом перепрыгивал на другой берег» [Там же: 159]. *«Тун Аласэйба, Чуукучэйба маархан чайлэбан эвриэнулльэнь –* За один день мог дойти до Алазеи до Чукочьей». *«Сукун эримэрнааха халдэйльэнь, монур йавулги лалвэйбан. Пойуодьэд–энук чавльэлмэлэ –* Он убежал, как только выпал снег, чтобы занесло его следы. Тогда ему пришлось много рек пересечь» [Там же: 179]. *«Тун кэдэ чамумуллэк энунэлэ маранмэ эйкирим, пурэнтэбан хусадьи –* Когда этот человек вырос, запросто перебирался через реки, перепрыгивая» [Там же: 181].

Анализ фольклорных произведений показал, что пространственный образ мира в фольклоре связан с «дорогой» и «родной землей», поскольку важнейшим компонентом фольклорных сюжетов является движение героев, направление указывается чаще, чем место. Причем, дорога, которую проделывают герои сказаний, имеет цель - спасти кого-либо. В первом сказании «Поход Эдилвея к чачинцам и ламатканам» сначала главный герой проделывает путь на чужую землю, чтобы найти лук и копьё своего убитого отца, потом его жена проделывает долгий путь, чтобы попасть в родной дом, из которого ее похитили, а после их дочь. В сказании «Эдилвей и Пэлдудиэ» проделывает путь в поисках подобного себе сильного человека.

Центром земного пространства является дом – юрта, стойбище, что служит отправной точкой развития сюжета и местом его завершения, из родной земли герой уходит в начале произведения на чужие земли, а в конце возвращается в свой дом. В сказании «Поход Эдилвея к чачинцам и ламатканам»: *«Хадьи мэ ханаай –* Вот откочевал» [Курилов, 2005: 129], *«Мэт лукунбурэбэ йокэ льэй –* Моя родина далеко» [Там же: 133], *«Нимэнгинь апаналаанэ уусэна –* Привели жену домой. *Хадьир мжр эннаанги –* Вот стали

жить» [Там же: 147]; В сказании «Эдилвей и Пэлдудиэ»: «*Хадьир Чамадэнугинь мэ кэвэч. Чамадэнуфа тан Пэлдудиэ нөдбэ кэдэ ньумуньинубэ лукунбурэбэфа кэткэч* – Вот он пошел на Алазею. По Алазее дошел до местности, где обычно была стоянка Пэлдудиэ» [Там же: 161]. «*Хадьир Эдылвэй тидэн уорпэнтиэбанэ мэ кэврэйм туэ нимизнь. Хадьир чупчэпулньэн уурэн ньафа сабанаапаанги* – Эдилвей забрал к себе домой тех ребят. Понемногу стали с чукчами жить» [Там же: 169]; В сказании «Борьба за панцирь «Эдилвей в старости»: «*Адуоги тудэ хавдыидиэбанэ тудэ нимизнь кэврэйм. Тангуллэк льиэ мэ сабанаанги* – Племянник увез дядю домой. Вот так и живут» [Там же: 181]; в сказании «Идилвей»: «*Хадьир тун гөдэ, маархадьэн лэвэйнубурэбэбин сукидь эврэр-эврэр, маархан чупчэк Аласэй иэмундаба нуумэлэ* – Вот это человек однажды ходил-ходил по земле наобум, и на другой стороне Алазеи встретил одного чукчу» [Там же: 183], «*Хадьир пэтнурэн тудэ нимизнь мэ кэвэй-көди Идылвэй* – Вот Идилвей ползком добрался до своего дома» [Там же: 191].

Благополучие завершения пути – это возвращение. Обратная дорога, возвращение героя в юкагирских фольклорных текстах описывается подробно, чем движение вперед, к цели. Ведь только благополучное возвращение – это и есть истинная цель, которая обеспечивает по-настоящему счастливый конец.

В материалах сказаний отметим наличие ориентации по вертикали. Слова 'верх', 'низ' и 'в сторону' – основные лексемы, задающие ориентацию по вертикали. В сказаниях об Эдилвее: «*Туннаафар анаадойчэнгинь йуодыиичэйэн* – Пойду на вершину горы» [Курилов, 2005: 137], «*Хадьир мэ кэвэч энуба чандэн ньанмэдабильбан* – Вот пошла она вверх по реке, вдоль тальников» [Там же: 57], «*Хадуннаафарут кэлук? Чамудьэдэнубат, Кулумаабат көлдээн– С какой стороны ты приехал?* [Там же: 133], «*Кулумаа иэмэндэбат чупчэпул тудэ кирийэфа кэлуунульэлни, нуньилгинь* – На его имя с той стороны Колымы приезжали чукчи – чтобы его убить» [Там же: 159], «*Тан чии илэпэрэн чавул лангудэн халдэйни* – Те люди (чукчи) со своими оленями ушли в сторону моря» [Там же: 173], «*Йэрпэйэн элэйнубэнгинь уук. Курулюолэл*

анаанэнг – сукул ордьэк – В сторону захода солнца иди. Виднеющиеся горы – середина пути» [Там же: 147]. В «сказке о Петре Бэрбэкине»: «*Тудэгэлэ таат нэшишэйнгаа чобулгин уожшигэ йиэжут ходоудэг. Дьэ таат тудэгэлэ баалгэ чахайм, кужуугэ йохтэйлэ аалгудэ нэйжиим* – Так его бросили в море: качаясь на воде, лежит гроб. Ну, тут стало на волнах качать, вверх, к небу, подняло – вниз бросило» [Там же: 327], «*Аалбудуол лэбиэ аажульньэй, таа льэнги йадайтэл шоромолул. Таат адаат пудуол аажулэк льэл, таа йахадэллэ шоромо айбиш нугот гудэллэ поллодынунги өрдьюол лэбиэгэ* – На Нижней земле есть “полка”, возвращающиеся люди находятся там. Повыше нее (букв. отсюда к верху) есть (еще) полка – дошедший туда человек становится айви и рождается на Средней земле» [Там же: 329].

Пространственный образ в фольклоре связан с рекой, присутствующей в качестве ориентира, относительно которой называется направление и местоположение. Ориентация относительно реки осуществляется с помощью слов 'вниз по течению', 'вверх по течению' и 'вдоль реки': «*Титтэ илэнэбанэ анаа йэклиэ ширэллэк, хайль тудуруун, эимудиэ тудуруун хадьир тун дьшилэ мэ сэмдынга* – Привязав своих оленей за горой, прячась, пошли между камнями вдоль реки к тем людям» [Там же: 131], «*Хадьир мэ кэвэч энуба чандэнг ньанмэдабильбан* – Вот пошла она вверх по реке, вдоль тальников» [Там же: 57], «*Уудэбанэ, сайдэнг энулэнг льэл* – Едет – поперек река» [Там же: 57], «*Уудэк энуд-абильбан кэвэч* – Сразу же вдоль берега реки пошла», «*Тадаа энмудиэдабильбан йарэрэнг мэ кэвэч* – Тогда она пошла вдоль берега речки по воде» [Там же: 153].

Ориентация относительно сторон света также встречается в фольклорных произведениях. В сказаниях об Эдилвее: «*Йэрпэйэн элэйнубэгинь уук. Курульуолэл анаанэнг – сукул ордьэк – В сторону* захода солнца иди. Виднеющиеся горы – середина пути» [Там же: 147]. «*Пулдудиэ Аласэйба, Иириэ анаа албараба, Элнэ нөдбэ лункунбурэбэба лыэнулльэнь* – Пулдудиэ жил на Алазее, в местности Элнгэ, к северу от горы Ирие» [Там же:

161]. В «сказке о Петре Бэрбэкине»: «*Таат хонут йуольуодьэдамлуйбэ лангил хамлуу* – пошел на закат солнца» [Там же: 313].

Ориентационная система юкагиров в поговорках и приметах

Малые жанры фольклора собрал в своем труде «*Тиидаанэ титэ моннунги*» – раньше так говорили: пословицы, загадки, образные выражения, сравнения» юкагирский художник и писатель Н.Н. Курилов.

Опытные охотники ориентируются по местности, примечая ориентиры по сторонам света. Н.Н. Курилов пишет, если человек заблудится в тундре, может выйти к людям, к дому, если не растеряться и взять себя в руки, так как в этом сама природа помогает. «Тундру надо уважать. По такому принципу живут юкагиры, и поэтому запретов много: не кричи вечером в тундре, не топчи рыбу чешую, разжег костер – потуши; и другие, которые превращаются в воспитательные направления» [Курилов, 2007: 44]. Уважая, юкагиры учились у тундры выживать, а это требует определенных наблюдений, которые могут спасти в экстремальных условиях.

Мы проанализировали народные поговорки и приметы, в которых объективируется концепт *пространство* и разделили на группы: ориентация в тундре, понятия «правое-левое», ориентация ветров, приметы про погоду.

Ориентация в тундре – «Йуорпурэ сабуойинаарэ»

Аласэй–абучиэ лаабар чама анаа, Алавэй – в Алазейской тундре большая гора Албай. Он – ориентир.

Йалбиль чавлаабандэ сэмеги чама эримэ чавалэк лалвуолни – северная сторона берега озера имеет большие снежные наносы. Северный ветер намetyвает снег.

Йалбильба, плгидьилэ эвчэлэк саа-лангудэн эримэбэ чируолнуни – трава озер дугообразно, острием–кончиком воткнута на юг.

Нимэбэт пулгээйрэ ээвдийэ хадаат лырэрэлги ичуонунк – выходя из дома, всегда наблюдай, с какой стороны дует поземка (Вьюга, во время которой дует низовой ветер).

Ньанмэ пуйуодэбанэ, саа лаафарэги эримэн понхотаалэк лалвуотэй – если тальников много, то на южной стороне бывает много снежных комочков.

Ньанмэ чилгэги, саа лаафарэги мэ читниэнунни, мэ пойуолнунни – веточек тальника с южной стороны бывает много и длиннее, чем на северной стороне.

Пабадьшид–экууньэй чаайлэба, чингичилба, Хуораал нуумэк – в звездной ночи найди Полярную звезду.

Пункэ чавлаафарэги ульэгэги курульуолнунни, уудэк чавлаафарут илийэ лырэрэдаба – у кочек на северной стороне видны бывают травы, так как всегда дует сильный северный ветер.

Пункэ саалаафарэги мэр эримэннунни – у кочек южная сторона имеет снежный насос.

Чумур чавлаафарэги ах илийэ – северная сторона холмов из-за постоянных ветров имеет выветривания и видна земля, ветер сдувает снег.

Ээвдийэ тудуруун йэрпэйэ йэдээйдэбанэ, тэт нимэ хадаа льэлги мэ курильшимэк: идыгуойгир – йугуллаафарэк, чаайлэд–өрдэмэ–саа лаафарэк – если во время пурги проглянет солнце, знай: утром – правая сторона – восток, в середине дня – юг.

Энмудиэбан эйк чама хавархабан уурэ курильшик: чавлаафар хуудодьэ сэмэги мэ чамуолнунни тадаата мэ көйлуолнунни, йэрпэйэ пугуориидаба – если идешь по ручейку или по оврагу, знай, что северная их сторона бывает высокой и от солнечного тепла земля обвалиться.

Энунэ мугидалтэ, сэмэпэги мэ чамуолнунни – правобережные берега бывают большими.

Эримэчава йуолэк саа-лангудэн хуудотэй – волна снежных заструг лежит острием на южную сторону.

В условиях Севера, тундры, в экстремальных условиях жизни, приметы, проверенные многими поколениями, начинают приобретать утилитарное

значение, если даже редко совпадают. Некоторые приметы являются результатом наблюдения многих поколений юкагиров в тундре. От одних примет зависит не только жизнедеятельность, но также и жизнь человека. Например, как пишет Н.Н. Курилов, в Алазейской тундре самой приметной, высокой точкой является гора Албай. Если она имеет шапку из облаков, значит, погода меняется к худшему, и тогда поездки отменяются [Курилов, 2007: 54].

Понятия «правое-левое»

Понятия «правое-левое» в системе архаического мышления тесно связаны с ориентацией в пространстве. Все системы ориентиров имеют в своей основе психобиологическую природу человека. Так, правым сектором и левым, которые, будучи расположенными с двух сторон от человека, получают в зависимости от преимущества той или иной руки (обычно в роли преобладающей выступает правая) большую или меньшую сакральность. Надо полагать, что правую сторону юкагиры считали благоприятной. Запад как место исчезновения солнца воспринимается юкагирами как мотив ухода из жизни, связь с миром предков.

Йавлааҕар унумэ паралаахай – амучэҥинь. Йугуллааҕарэ паралахаай – ньяарчидьэҥинь – Левая бровь чешется – к плохому, правая бровь чешется – к хорошему.

Йавлааҕар йуодьэ паайм, амучэҥинь – резкая боль на правой стороне головы, к чему-то хорошему. Но есть и противоположная примета: *Йавлааҕар йуодьэ паайм, ньяарчиньэҥинь* – резкая боль на правой стороне головы, к чему-то плохому.

Йугуллааҕар чалдьэдаримэ паралахаай, саримэ чальдэ моойтэмэк – правая ладонь чешется, с гостем здороваешься.

Ориентация ветров

У юкагиров северный и западный ветры считались «плохими», так как приносили осенью и зимой непогоду: дождь, холода, снег.

Илийэ саалаабарут чаулангудэн пөмөгэч, хуруул мэ ньяарчэ-хаатэй – если ветер перемещается с юга на север, к непогоде.

Илийэ чауллаабарут саалангудэн пөмөгэч, мэр амуч – если ветер, несколько дней дувший с севера повернет по восточной стороне на юг, погода улучшится.

Лэвээймэн илийэ чауллаарут эгишл-лангудэн паайтэм, хуруул мэр амухаатэй – если летом после непогоды ветер ударит с севера на запад – погода улучшится.

Лэвээймэн, илийэ эгишл-лаабарут чаулангудэн паайтэм, хуруул мэ ньяарчэхаатэй – если летом ветер ударит с запада на север, погода ухудшится, похолодает.

Хандьэмэдэ чауллаабарут илийэ уудэк ээвдийэлэ кэчитэм, тан лэвээймэдэ ханчэ чаайлэк кэчитэмлэ – зимой с севера ветер всегда приносит пургу, а летом – холодные дни.

Ээгишллаабарут илийэ уудэк хадьуунуни, вэрвиэнуни тадаат хабун чаайлэбан уунуни – с запада ветер всегда холодный, сильный, а также может длиться несколько дней.

Приметы про погоду

Собундылимэ саа лаабар мөнгөр лачил йуомэк, тивэньэй лэвээйл нолаатэй, пуриэ–нэмэ пулгээтэй – Поздней весной на южной стороне неба увидел молнию от грозы, значит, будет дождливое и ягодное лето.

Собундылимэ, саа лаабарут чама сукундавак йэдээйпунул. Ан – кичиэн сукундавак, лэвээйл пугуотэй – поздней весной на юге появляется большое белое облако. Это, говорят юкагиры, облако комарья, значит, лето будет жарким.

Собундылимэ, саа лаабарут чама сукундавак йэдээйпунул. Ан – кичиэн сукундавак, лэвээйл пугуотэй – поздней весной на юге появляется большое белое облако. Это, говорят юкагиры, облако комарья, значит, лето будет жарким.

Авйааҕандэ сукундаванэ чауллааҕарут саалангудэнг лукун пурэдиэ уунунги: эгуойиэ хуруул мэр амуотэй – если вечером с севера на юг, низко стелясь над землей, бегут облака, то завтра погода будет хорошей.

Собундьилимэ хуруулҕа пурэн-пурэн сукундуванэ саалааҕарут чауллааҕар лангудэнг уунгутэй: лэвээйл мэ пугуотэй – весной перистые облака с юга на север плывут, – лето будет жаркое. Если же эти облака идут с севера на юг, лето будет прохладное.

Собундьилимэ саа лааҕарут, эл уучуонь, эл кэриэчуонь ньавай чама сукундава йэдээйтэй, ан – кичиэньэй лэвээйлгинь. Ан, кичиэн сукундавак – большое кучевое облако, появившееся на юге, стоит и не исчезает, значит, лето будет комариное. Такое облако юкагиры называют «комариное облако».

Собундьилимэ, саа лаагарут чама ньаавэй сукундавэк йэдээйл тадаат мэр элэч: лэвээйл чаманэнг пугуотэй – если позднее весной на юге появится большое белое кучевое облако и исчезнет, значит, лето будет очень жаркое.

Сукундаванэ эгиил лааҕарут саа лангудэнг уунунги: хуруул мэ пугэкиэтэй – если несколько дней было холодно, а потом облака идут с запада на юг, то завтра погода будет хорошей.

Чауллааҕар тороньэй сукундаванэ йэдээйрэлэк мэ саҕаанги: эгуойиэ йэрпэйэдьаа нолаатэй – если на севере появляются черные облака, а затем исчезают, завтра будет солнечный день.

Полярная звезда становилась ориентиром: «*Паҕадыиид–экууньэй чаайлэҕа, чингичилҕа, Хуораал нуумэк* – в звездной ночи найди Полярную звезду». Несомненно, наблюдение древних людей за звездным небом должны были приводить их к заключению о неподвижности Полярной звезды, которая становилась осью мира, опорой мироздания и ориентиром местности, поэтому она выступала ориентиром у многих народов Евразии.

Представляется, что отождествление трехчленной вертикальной пространственной структуры с горизонтальной происходит наиболее легко в тех культурах, где из четырех сторон света особую роль играют какие-то две стороны света, как, например, север и юг; восток и запад не имеют большого

значения. В такой ситуации у юкагиров три члена вертикали – верх, середина и низ – легко могли накладываться на трехчленную горизонтальную структуру – юг (*саалабарэ* (т.д.) 'южная сторона, таежная сторона'; верховье рек), центр (*өрдьуол лэбиэ* 'средний мир', *лукунбурэбэ* 'родная земля', *нимэ* 'дом'), север (*чавлаабар* (т.д.) 'северная сторона, морская сторона', низовья рек).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический анализ литературы показывает, что проблема рассматривалась достаточно широко. В то же время целый ряд вопросов, связанных с концептом *пространство* в юкагирской лингвокультуре остается малоизученным.

Концепт *пространство* является одним из важнейших элементов модели мира архаической культуры. Ориентация в пространстве является для человека важным условием его выживания и существования: пространство и время относятся к двум фундаментальным характеристикам физического и духовного бытия человека, задаваемым космическими в своей основе явлениями.

В результате изучения данной темы, был получен этнографический, языковой и фольклорный материал, анализ которого позволил заключить:

– В структуре концепта *пространство* выделяются равноправные по степени абстракции сегменты «Верхний мир», «Средний мир», «Нижний мир». Это связано с пониманием пространства в значении «мир» как вселенная, система мироздания как целое;

– Базовый слой концепта *пространство* – место. Не всякое место, а место на земле, вокруг человека и его дома: земля, родной край.

Таким образом, можно предположить, что у юкагиров существует концентрический принцип организации пространства. Форма дома юкагиров представляется как круг, имеет коническую форму. Круг определяется как модель кочевых юрт и поселений, обозначающий динамизм и бесконечный процесс в противоположность квадратной форме домов и городам. А круг это универсальный символ, обозначает целостность; округлость представляет небесную сферу, солярную цикличность.

Одной из самых распространенных в традиционных культурах ориентационных систем является такая, при которой передней считается восточная сторона света, южная – правой, западная – задней, а северная левой. Анализ пространственной лексики показал, что для юкагирской лингвокультуры это не характерно. В юкагирском языке понятия юга и севера связаны с терминами выше и ниже: север – низ, юг – верх, также и запад – верх. Анализ показал, что стороны света получили наименования от ветров, а также по расположению морей и движения солнца, что относится к ориентации, основанной на географических признаках местности.

Результат анализа пиктографических писем подтверждает наличие первичной геокартографической системы ориентации в пространстве у юкагиров, обусловленной ландшафтно-климатической природной средой. В географическом пространстве ориентирами могут выступать приметы местного ландшафта: течения рек, озера, горы и равнины, побережья морей, направление ветров и морских течений, наконец, астрономические явления – движение солнца, луны и звезд. Анализ названий сторон света в юкагирском языке показывает, что ориентиры непосредственного географического окружения выступают заменой сторон света, определяемых астрономически, т.е. по движению небесных светил.

Итак, мы разобрали основные компоненты первичной системы ориентации юкагиров в пространстве, характеризующиеся непосредственным, чувственно-конкретным восприятием пространства, при котором человек, полагая самого себя в центре наблюдаемого мира, устанавливает направление (или местоположение) наблюдаемых и описываемых им географических объектов по ориентирам окружающей ландшафтно-климатической природной среды.

В результате анализа пространственной лексики были выявлены следующие лексико-семантические группы: человеко-ориентированная система пространственных координат, которая связана с

антропоцентрическим мировоззрением, присваивающим качества и части тела человека неживым вещам и явлениям, животнo-центрическое восприятие пространства, и временной параметр пространства. Наблюдается семантический переход между разными значениями одной лексической единицы.

Анализ фольклорного материала позволил сделать следующие выводы:

- Пространственный образ мира в фольклоре связан с «дорогой» и «родной землей», поскольку важнейшим компонентом фольклорных сюжетов является движение героев, направление указывается чаще, чем место.
- Центром земного пространства является дом – юрта, стойбище, что служит отправной точкой развития сюжета и местом его завершения, из родной земли герой уходит в начале произведения на чужие земли, а в конце возвращается в свой дом.
- В фольклорных материалах отмечается наличие ориентации по вертикали. Слова 'верх', 'низ' и 'в сторону' – основные лексемы, задающие ориентацию по вертикали.
- Пространственный образ в фольклоре связан с рекой, присутствующей в качестве ориентира, относительно которой называется направление и местоположение. Ориентация относительно реки осуществляется с помощью слов 'вниз по течению', 'вверх по течению' и 'вдоль реки'.
- В поговорках и приметах встречается ориентация относительно сторон света.

Представляется, что отождествление трехчленной вертикальной пространственной структуры с горизонтальной происходит наиболее легко в тех культурах, где из четырех сторон света особую роль играют какие-то две стороны света, как, например, север и юг; восток и запад не имеют большого значения. В такой ситуации у юкагиров три члена вертикали – верх, середина

и низ – легко могли накладываться на трехчленную же горизонтальную структуру – юг (*саалабарэ* (т.д.) 'южная сторона, таежная сторона'; верховье рек), центр (средний мир, родная земля, дом), север (*чавлаабар* (т.д.) 'северная сторона, морская сторона', низовья рек).

Отметим, что в настоящее время религиозно-мифологические представления юкагиров утрачены, и многие аспекты, надо полагать, будут относиться к области предположений и гипотез. Однако полученные результаты вносят определенный вклад в изучение проблемы, также могут способствовать анализу объективации еще не исследованных концептов в юкагирской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Источники:

- 1.1. Атласова, Э.С. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (тундренный диалект) / Э.С. Атласова – СПб.: Просвещение, 2007. – 141 с.
- 1.2. Жукова, Л.Н. Фольклор юкагигов Верхней Колымы / Л.Н. Жукова, И.А. Николаева., Л.Н. Дёмина. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч.1. – 161 с.
- 1.3. Жукова, Л.Н. Фольклор юкагигов Верхней Колымы / Л.Н. Жукова, И.А. Николаева., Л.Н. Дёмина. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 2. – 89 с.
- 1.4. Иохельсон, В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / В.И. Иохельсон. — Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.
- 1.5. Иохельсон, В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В.И. Иохельсон. Пер. с англ. В.Х. Ивановой и З.И.Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.
- 1.6. Курилов, Г.Н. Фольклор юкагигов / Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594с.
- 1.7. Курилов, Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2001.– 608 с.
- 1.8. Курилов, Г.Н. Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1990. – 353 с.
- 1.9. Курилов, Н.Н. Тидаанэ титэ моннунни - Раньше так говорили: пословицы, загадки, образные выражения, сравнения / Н.Н. Курилов. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – 148 с.

- 1.10. Николаева, И.А. Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь (верхнеколымский диалект) / И.А. Николаева, В.Г. Шалугин. – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.
- 1.11. Спиридонов Н.И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / Н.И. Спиридонов. – Якутск, 2003. — 57 с.

2. Литература

- 2.1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. / Ю.Д. Апресян. – М: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
- 2.2. Арутюнова, Н.Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского. Н.Д. Арутюнова // Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 370-376.
- 2.3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- 2.4. Атласов, Е.И. Русско-юкагирский разговорник / Е.И. Атласов, Г.Н. Курилов — Якутск: Розовая чайка, 1992. – 31 с.
- 2.5. Богораз, В.Г. Народная литература палеоазиатов / В.Г. Богораз // Литература Востока: сб.ст. – Пг.: Всемирная литература, 1919. – № 1. – С. 50-68.
- 2.6. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы). Монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- 2.7. Габышева, Л.Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо / Л.Л. Габышева // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск., 1994. – Вып. 3. – С. 3-16.
- 2.8. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Наука, 2000. – С. 127-134.

- 2.9. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г.Д. Гачев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
- 2.10. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
- 2.11. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
- 2.12. Дыбо, А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс) / А.В. Дыбо. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 390 с.
- 2.13. Жукова, Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Часть II. Мифологическая модель мира / Л.Н. Жукова. – Новосибирск: Наука, 2012. - 360 с.
- 2.14. Жукова, Л.Н. Пространственный образ мира лесных юкагиrow (по материалам устного народного творчества) / Л.Н. Жукова // Языки коренных малочисленных народов Севера в начале III тысячелетия: Материалы Республ. науч.-практ. конф. — Новосибирск: Наука, 2008б. – С.115–127.
- 2.15. Жукова, Л.Н. Религия юкагиrow: Языческий пантеон/ Л.Н. Жукова. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 89 с.
- 2.16. Жукова, Л.Н. Фольклорные представления о мире у таёжных юкагиrow / Л.Н. Жукова // Фольклор и современная культура: Сб. научных трудов. – Якутск: 1991.
- 2.17. Жукова, Л.Н. Фольклорные тексты юкагиrow Верхней Колымы / Л.Н. Жукова, П.Е. Прокопьева // Язык-миф- культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. Ун-та, 1991. – №2. – С. 146-167.
- 2.18. Жукова, Л.Н. Юкагиrow-славянские фольклорные параллели / Л.Н. Жукова // Язык–миф–культура народов Сибири – Якутск, 1995. – Вып.4 – С.32-48.

- 2.19. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Л. Каменская. – М.: Высш. шк., 1990. – 152 с.
- 2.20. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методология современной психолингвистики: сб. ст. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 9 с.
- 2.21. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография / Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 459 с.
- 2.22. Крейнович, Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е.А. Крейнович. — Л.: Наука, 1982. – 302 с.
- 2.23. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Т.Лузина. – М.: Изд-во Моск.госу. ун-та, 1996. – 245с.
- 2.24. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
- 2.25. Курилов, Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка / Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 285 с.
- 2.26. Курилов, Н.Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) / Н.Н. Курилов. – Якутск, 1999. – 48 с.
- 2.27. Курилов, Н.Н. Юкагиры: неразгаданная тайна человечества. / Н.Н. Курилов. – Якутск: 1999.
- 2.28. Курилов, Ю.Г. Юкагирские топонимы: Учебное пособие для учащихся ст. кл. и студентов 1 курса гуман. фак. / Ю.Г. Курилов. – Якутск: Офсет, 2005. – 72 с.
- 2.29. Лазарев, М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов / М.А. Лазарев // Гуманитарное пространство. – 2014. – С. 465-475.

- 2.30. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России; [под общ. ред. В. П. Нерознака]. — М., 1997. — С. 280–287.
- 2.31. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
- 2.32. Лунное лицо: Сказки юкагиров / [сост. и обраб. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецов]. – Якутск: Якут. Кн. Изд-во, 1992. – 128 с.
- 2.33. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- 2.34. Мелетинский, Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- 2.35. Никонов, В.А. Наименования стран света / В.А. Никонов // Этимология. – М., 1986. – С. 162-167.
- 2.36. Подосинов, А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов – М.: Языки русской культуры, 1999. – 720 с.
- 2.37. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
- 2.38. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30с.
- 2.39. Потехня, А.А. Мысль и язык. Изд-е 2-е / А.А. Потехня. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892. – 228 с.
- 2.40. Прокопьева, П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре / П.Е. Прокопьева. – Новосибирск: Наука, 2009. - 143с.
- 2.41. Пропп, В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.

- 2.42. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность/ В.Я. Пропп. - М.: Наука, 1976. – 326 с.
- 2.43. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
- 2.44. Сказки и предания Севера / [Сост. Г.Н. Курилов, Г.И. Варламова.] – Якутск: Кн. Изд-во, 1986. – 87 с.
- 2.45. Спиридонов, В.К. Русско-юкагирский словарь / В.К. Спиридонов. – Якутск, 1997.
- 2.46. Спиридонов, Н.И. Одулы (юкагиры) колымского округа / Н.И. Спиридонов. – Якутск: Северовед, 1996. – 78 с.
- 2.47. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов – М., 1997.
- 2.48. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 173-204.
- 2.49. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: Семантика и структура [под ред. Т.В. Цивьян]. – М.: Наука, 1983.– С. 277-355.
- 2.50. Туголуков, В.А. Кто вы, юкагиры? / В.А. Туголуков. – М.: Наука, 1979. – 152 с.
- 2.51. Хазанкович, Ю.Г. Время-пространство в культурософском осмыслении: на материале литератур народов Севера/ Ю.Г. Хазанкович. – М.: Макс-пресс, 2002. – 232 с.
- 2.52. Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагириров / [сост. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецов.] – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – 100 с.
- 2.53. Хокинг, С. Краткая история Времени / С. Хокинг; [пер. с англ. Н. Смородинской]. –М.: Аст, 2017 – 232 с.
- 2.54. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.

- 2.55. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – В.Я., 1999. №1. – С. 3—16.
- 2.56. Шишло, Б. Юкагиры. Прошлое. Настоящее. А-Будущее? / Б.Шишло. – Sibirica, 1983. – 8 с.
- 2.57. Юкагиры: Историко–этнографический очерк/ [под ред. А.П. Охладникова.] – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.
Аммосова»

ОТЗЫВ

на выпускную квалификационную работу

Сантаевой Ульяны Анатольевны

группы М-ЛК-17 кафедры общего языкознания и риторики филологического
факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К.

Аммосова

на тему «Концепт *пространство* в юкагирской лингвокультуре»

Выпускная квалификационная работа содержит пояснительную записку на
73 страницах.

СОДЕРЖАНИЕ ОТЗЫВА

Актуальность исследования определяется глубоким интересом современной науки к проблемам национально-культурной специфики концептов. Изучение базовых концептов как единиц языковой картины мира представляет ценность для выявления особенностей культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности.

Концепт пространство является одним из важнейших элементов модели мира архаической культуры. Ориентация в пространстве является для человека важным условием его выживания и существования: пространство и время относятся к двум фундаментальным характеристикам физического и духовного бытия человека, задаваемым космическими в своей основе явлениями.

Работа посвящена выявлению этнической специфики концепта пространство на материале юкагирской лингвокультуры. Новизна заключается в том, что пространство и человек в нем с позиций концептуальной лингвистики еще не изучались на материале юкагирской лингвокультуры.

Исследовательская часть работы проведена самостоятельно на хорошем теоретическом уровне, отличается оригинальностью поднесения материала и логичностью выводов.

Убедительна апробация работы. Автор принял участие в 4 международных конференциях, из них на конференции «Ломоносов-2019» Сантаева У.А. заняла 3 место, на МНСК в Новосибирске получила диплом 2 степени.

Выпускная квалификационная работа соответствует заданию и всем современным требованиям, предъявляемым к дипломному исследованию.

К достоинствам ВКР следует отнести полноту содержания, точность формулировок, последовательность и логичность изложения материала, доказательность выводов. Автор работы владеет методами сбора практического материала, хранения и обработки информации, современными методами исследования, что будет необходимо в будущей профессиональной деятельности, и умеет анализировать состояние и динамику современного языка, его систему и функционирование с использованием методов и средств анализа и прогноза.

Автор работы показал умение работать с литературными источниками, библиографическими справочниками, с электронными ресурсами, а также продемонстрировал способности к краткому и точному изложению материала.

Сантаева У.А. имеет все данные, необходимые для научно-исследовательской работы, и заслуживает рекомендации для поступления в аспирантуру.

Оценка выполненной ВКР – отлично

Сантаева У.А. заслуживает присвоения квалификации магистр.

Руководитель ВКР – Павлова Ирина Петровна, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания и риторики ФЛФ

05.06.2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу
магистранта(ки) Сантаевой Ульяны Анатольевны группы М-ЛК-17
Тема: Концепт *пространство* в юкагирской лингвокультуре

Актуальность обуславливается тем, что вербализация базовых концептов в лингвокультуре этноса, таких как время и пространство, является объектом пристального изучения в современной науке. В связи с тем, что юкагирский язык находится под серьезной угрозой исчезновения, является важным не только фиксировать языковые средства, но и через сопоставительный и лингвокультурологический анализ текстов изучить концептосферу юкагирского этноса.

Оригинальность и глубина проработки разделов представленной работы состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы. Во введении автор пишет об актуальности темы, ее научной новизне, ставит цель и указывает задачи, необходимые для ее достижения, обосновывает методологическую базу, характеризует практический материал, представляет положения, выносимые на защиту. Отдельно хотелось выделить достаточную апробацию основных частей работы, освещенных на научных конференциях различного уровня, включая Международную научную студенческую конференцию «Ломоносов-2019» (Москва) и 57-ю Международную научную студенческую конференцию 2019 (Новосибирск). Первая глава состоит из трех разделов, посвященных основным понятиям лингвокультурологии и определению особенностей концепта пространство. После изучения круга научной литературы по проблеме дается определение основных понятий лингвокультурологии: концепт и концептосфера, концептуальная и языковая картина мира. Автор устанавливает, что в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма, символика, особенности восприятия и оценки, а также концепты обладают национальной спецификой, которая проявляется в совокупности стандартизированных концептов в сознании народа. Национальная концептосфера – это совокупность категоризованных, обработанных, стандартизированных концептов, входящих в языковую картину мира, которая является предшественницей всех других картин мира.

Наиболее интересной и проработанной является вторая основная глава работы, в которой представляется полевая модель концепта пространство, отраженная в космологии юкагиров, анализируется система ориентации в пространстве, проводится анализ пространственной лексики юкагиров и рассматривается объективизация концепта пространство в фольклорных произведениях. Достаточно убедительными являются выводы, к которым приходит автор. Этнической спецификой концепта пространство является его структура, полевая модель, центром которой у юкагиров выступает понятие «мой дом». У юкагиров существуют концентрический принцип организации пространства и первичная геокартографическая система ориентации на местности. Фольклорные данные подтверждают наличие определенных принципов в организации пространства в

юкагирской лингвокультуре. Все основные положения, вынесенные на защиту, проработаны и доказаны в результате тщательного анализа уникального практического материала.

Общая грамотность и качество оформления работы. Работа полно освещает заявленную тему, написана грамотно, все требования к работам подобного рода выполнены в полной мере.

Существенные **вопросы и замечания** отсутствуют.

Общая оценка работы. Работа заслуживает высокой оценки.

Сведения о рецензенте:

Ф.И.О. Курилова Самона Николаевна

Должность старший научный сотрудник

Место работы отдел северной филологии Института гуманитарных исследований и проблема малочисленных народов Севера СО РАН

Уч. степень кандидат филологических наук

Уч. звание

Подпись _____

Дата _____

07.06.2019 г.

Заверяю подпись _____

Гл. спец. ОК _____

Курилова С.Н.
Самона Николаевна
07.06.2019

